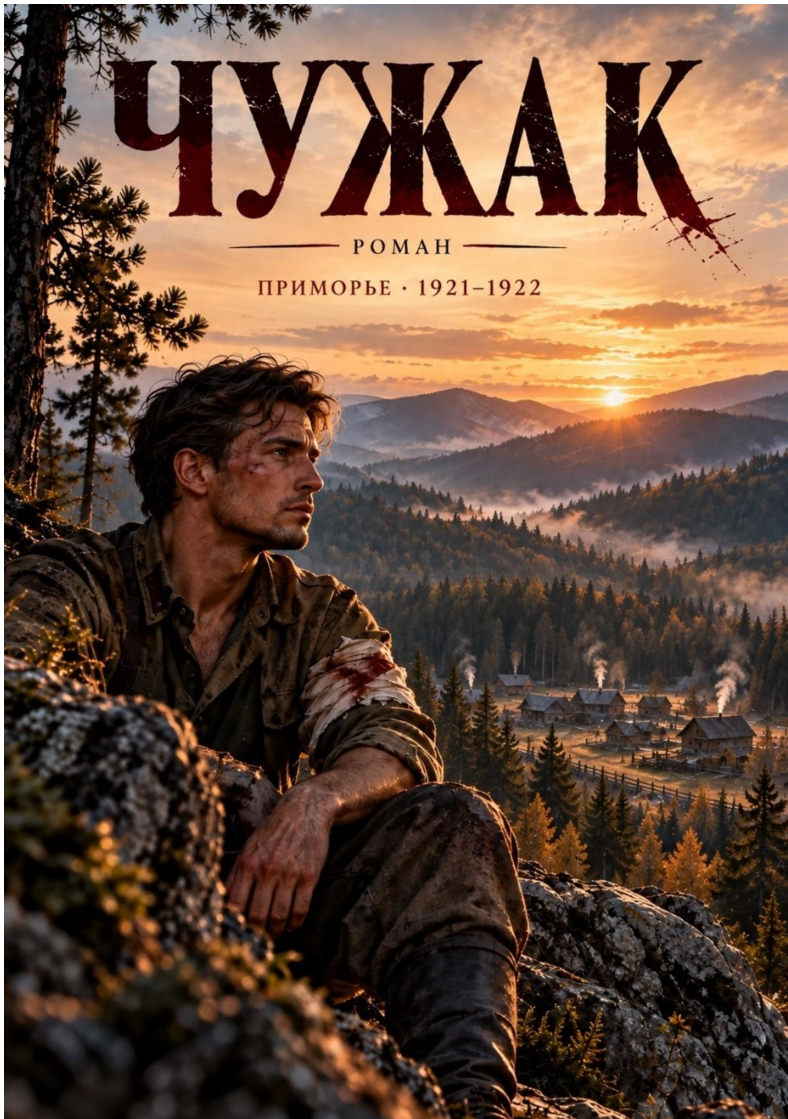

ЧУЖАК

— РОМАН —

ПРИМОРЬЕ • 1921–1922

Varpunen Varpunen

ЧУЖОЙ

<https://litres.ru/74691624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его спасли чужие. Но сможет ли он не предать тех, кто стал своими?

Приморье, 1921 год. После перестрелки раненый красный партизан Андрей Лунёв теряется в тайге. Его случайно находят трое жителей Тихого Лога — тайного старообрядческого поселения, спрятанного за горными хребтами. Красная звезда на фуражке пугает их: появление солдата может привести в деревню войну. Но они решают спасти незнакомца.

Постепенно Андрей обретает здесь то, чего не искал: работу, дружбу, доверие и чувство дома. Только прошлое не отпускает. За горами остаются его товарищи, среди новых знакомых обнаруживаются старые тайны, а любовь ставит перед выбором, к которому нельзя подготовиться.

«Чужак» — историко-психологический роман о милосердии и предательстве, о людях по разные стороны Гражданской войны и о цене доверия. Что страшнее — остаться чужим среди своих или однажды предать тех, кто принял тебя как родного?

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НАЙДЕННЫЙ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗА СЕМЬЮ ГОРАМИ	42
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. НЕ НАШИ ЛЮДИ	80
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. СВОЙ ХЛЕБ	119
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Varpunen ЧУЖОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НАЙДЕННЫЙ

Лес не кончался.

В начале сентября 1921 года Андрей Лунёв ещё утром велел, что за следующим распадком увидит дорогу. Пускай заброшенную, заросшую, с колеёй от телеги, — всё равно дороге: если по ней когда-то ездили, она непременно выведет к людям. Но за распадком оказалась другая гора, за горой — мокрые заросли кедрового стланика, а дальше снова деревья. Весь свет, казалось, состоял из деревьев и воды, которая то висела в воздухе мелким дождём, то текла под ногами, то глухо шумела невидимым ручьём.

Он шёл, придерживая левой ладонью правое плечо. Под гимнастёркой повязка давно пропиталась кровью, засохла и прилипла к телу. Когда Андрей оступался, боль проходила от раны до самых зубов. Иногда он останавливался и дышал ртом, стараясь не кричать. Потом убеждал себя, что осталось немного, и снова двигался вперёд.

На левом сапоге отошла подошва. В щель набилась грязь, портянка отсырела. Андрей чувствовал, как при каждом шаге мокрая кожа трёт пятку, но нагнуться и поправить сапог

он больше не мог. И давно потерял счёт времени. Было ли это второе утро после перестрелки или третье? Ночью он полулежал под вывороченным корнем, дрожал и слушал, как сверху падают капли. Несколько раз ему казалось, что рядом говорят люди. Он поднимал голову, но слышал только ветер.

Он помнил, где всё началось: узкая лесная просека, белёсый туман между пнями, впереди шёл Прохор, старый партизан с обветренным лицом. Их было семеро; они пробирались к своим после того, как получили весть о белом разезде возле переправы. Потом над просекой треснул одиночный выстрел. Прохор качнулся и неловко осел, будто споткнулся о корень. Почти сразу загремело с двух сторон. Кто-то крикнул: «Вниз! К ручью!» Андрей бросился в чащу, выстрелил на бегу, почувствовал сильный удар в плечо и упал на одно колено. Он хотел вернуться к товарищам, но с просеки уже неслись чужие голоса. Ветки хлестали его по лицу. Он бежал, пока не перестал слышать выстрелы.

Сначала Андрей был уверен, что остальные тоже отошли и скоро отыщутся. Он даже злился на себя за то, что отбился. К вечеру уверенность стала таять. Ночью собрал мокрые ветки для костра, но так и не решился их поджечь: огонь могли заметить. На рассвете пошёл в сторону, где, по его памяти, должна была лежать река. Реку не нашёл. Кругом тянулась незнакомая тайга.

Он вырос под Спасском и знал тамошние перелески, поймы и сопки: даже ночью мог найти дорогу по изгибу ручья

и очертаниям склонов. Но здесь земля ломалась крутыми складками, речки обрывались в каменные ложбины, а заросли так тесно переплетались, что нельзя было увидеть дальше нескольких шагов. Солнце пряталось за тучами. Даже мох на стволах не помогал: в сырости он покрывал кору со всех сторон.

«По воде надо, — твердил Андрей. — Любой ручей к реке выйдет. А река к людям».

Он спустился в каменистую ложбину и пошёл вдоль потока. Через час ручей упёрся в россыпь огромных валунов; вода ныряла между ними, пропадала в темноте и снова возникала ниже, под почти отвесной стеной. Спуститься туда Андрей не смог бы и здоровым. Он ещё пытался найти обход, пока не понял, что просто ходит кругами. Тогда повернул назад, с трудом выбрался наверх и остановился, не узнавая место, где был часом раньше.

Голод уже не мучил — только сосало пустотой под рёбрами. В сумке оставался размокший сухарь. Он сунул его в рот, но не смог проглотить: сухарь превратился в липкую кашицу, а горло саднило. Воду он находил, но после нескольких глотков его начинало мутить. Андрей выплюнул его и выругался. Он сам не знал, на кого ругается: на лес, на боль или на себя.

Вспомнился разговор с Прохором накануне перестрелки. Старик тогда сказал, что в здешних местах есть деревни, куда не всякий охотник доберётся. Андрей тогда отмахнулся:

не бывает деревень без дороги. Прохор не стал спорить, только поправил ремень на винтовке: «У людей, парень, свои причины прятаться». Теперь Андрей охотно отдал бы последний патрон за возможность увидеть хотя бы дым над чужой крышей.

Винтовки при нём уже не было. Ещё вчера он спрятал её у ручья, когда не смог больше нести: положил в кусты прикладом к себе, как будто собирался вернуться за ней после короткого отдыха. Без оружия стало и легче, и страшнее. Сзади на поясе болталась пустая патронная сумка, задевая кусты.

К полудню дождь перестал. Небо посветлело, но лес остался мокрым и сумрачным. Андрей увидел просвет между деревьями и направился туда, надеясь выбраться на открытое место. Через несколько шагов ноги запутались в упавших ветвях. Он опёрся здоровой рукой о ствол, переждал приступ головокружения и вдруг заметил на тёмной коре неглубокую засечку. Не свежую, заросшую по краям. Человек здесь бывал.

Андрей провёл по засечке пальцами. Она могла быть следом топора, могла — отметиной старого сучка. Ему хотелось верить в первое. Он пошёл дальше, всматриваясь в стволы. Второй отметины не нашлось.

Вскоре лесная подстилка под ногами стала мягкой. Он ступил в траву, которая скрывала чёрную воду, и провалился по щиколотку. Выдернул ногу, оступился и рухнул на колени. Плечо обожгло так, что перед глазами вспыхнули белые

круги. Несколько мгновений Андрей стоял на четвереньках, судорожно втягивая воздух.

«Поднимись. Ну, поднимись же».

Он сказал это себе вслух, и собственный голос показался незнакомым — хриплым, старческим.

Удалось встать только со второй попытки. Он сделал ещё десяток шагов и увидел впереди маленькую поляну с серыми камнями, вросшими в землю. Меж камней темнели шляпки грибов, а по краю поляны алели кисти рябины. Он почему-то обрадовался рябине. Она напоминала двор у материнской избы; там тоже стояло дерево, на которое осенью слетались дрозды.

Мать, должно быть, уже не ждала его письма. Последнее письмо он отправил весной, да и то не знал, дошло ли. Написал торопливо, что жив, что скоро всё кончится, что земля теперь будет принадлежать тем, кто на ней работает. В каждом письме мать просила об одном: береги себя. Андрей сердился — будто можно беречься, когда кругом война. Теперь он хотел бы услышать её голос, хоть сердитый, хоть плачущий.

Он присел у камня, вытянул ноги и зажмурился. Сидеть было так хорошо, что он испугался подниматься. Дождь снова едва слышно зашуршал в верхушках деревьев. Андрей решил отдохнуть до сотни, считал медленно, сбиваясь на середине, потом забыл, до какого числа дошёл. Когда попытался подняться, ноги не послушались.

Над поляной пролетела птица. Андрей поднял голову, собираясь проследить за ней, и увидел между ветвями полосу бледного неба. Показалось, что за вершинами обязательно должна быть дорога. Он даже выбрал дерево, до которого надо дойти сначала.

Он протянул руку к ближайшему стволу, но пальцы соскользнули с мокрой коры. Андрей завалился на бок, прижался лицом к холодной земле и вдруг перестал чувствовать боль. На мгновение стало тихо и легко, как бывает перед сном.

«Не здесь», — успел подумать он.

Больше он ничего не помнил.

В то утро Варвара проснулась прежде петухов и сразу поняла, что погода переменилась. По крыше уже не стучало; только с застрехи изредка падали тяжёлые капли. В печи, прикрытой на ночь заслонкой, ещё держался жар. Она подбросила сухой щепы, подула, пока не занялось пламя, и поставила чугунок с водой. Потом зажгла лампаду в красном углу и, поправив платок, долго стояла перед потемневшими образами, беззвучно шевеля губами.

Варваре шёл шестьдесят третий год, хотя сама она говорила, что старость ещё не пришла: раз можешь поднять ведро и дойти до дальнего лога, какая же ты старая. После смерти мужа она жила одна, но одиночества не знала. То соседка попросит помочь с закваской, то дети прибегут с ободран-

ными коленками, то Еремей велит зайти к больной. Варвара знала, где в лесу позднее других держатся грузди, где растёт брусника и в какой низине после дождей не стоит ступать, чтобы не оставить сапоги в грязи.

Сегодня за грибами собирались втроём. Молодым накануне выпало много работы с сеном, но тёплые дожди обещали хороший сбор, а зима не спрашивает, устал ли человек. Варвара взяла две плетёные корзины, сухой хлеб и кусок полотна, которым обычно закрывала грибы от хвои. Прикрыла оставленный на столе хлеб чистым полотенцем, перекрестилась двумя перстами и вышла из дому.

Над Тихим Логом поднимался сизый дым. Деревня только просыпалась: возле крайнего сарая скрипнула дверь, где-то коротко залаяла собака. Небольшая долина лежала между лесистыми отрогами, словно ладонь, сложенная чашей. Внизу шумела узкая речка; над водой стлался туман, скрывая камни и корни прибрежных ив. Из девяти дворов самый большой принадлежал Еремею: две избы под одной крышей, просторные сени, амбар и навес с аккуратно уложенными дровами. Остальные дома стояли неровным полукругом, будто каждый хозяин выбирал себе место по солнцу и земле, а не по чьему-либо указу.

За огородами темнели полосы вспаханной земли, дальше виднелся вырубленный сенокос. Между домами шли утопанные тропки. Лес подступал к самому краю посевов. Дальше огородных плетней не было ни улицы, ни дороги: только

высокая трава и тёмные стволы, среди которых начинались охотничьи тропки.

Дарья уже стояла у колодезного сруба с коромыслом на плечах. На ней были тёмная юбка, длинная льняная рубаха и простой платок, из-под которого выбилась прядь волос. Увидев Варвару, девушка поставила вёдра и помахала рукой.

— Не проспала, голубушка? — спросила Варвара.

— Я бы проспала, да батюшка с рассветом встал. Муку велел пересыпать, пока сыростью не взяло.

— Его воля. А ты хлеба поела?

— Поела.

— Ишь как поспешила. Значит, не ела.

Дарья улыбнулась. Варвара знала эту улыбку с тех пор, как девочка бегала по двору босиком и прятала в рукавах пойманных кузнечиков.

— По дороге съем, — сказала Дарья. — Фёдор обещал лепёшек взять.

— У Фёдора ума хватит и лепёшек взять, и самому съесть. С ним и спорить нечего.

Они рассмеялись, и в этот миг из-за амбара появился сам Фёдор с двумя пустыми кузовами за спиной. Он был высокий, широкоплечий, с выгоревшими волосами; двигался неторопливо и уверенно, как человек, которому приходилось много работать одному. Сшитая из плотного полотна рубаха была подпоясана верёвкой, рукава закатаны. На поясе висел нож в деревянных ножнах.

— Что вы там обо мне говорите? — спросил он.

— Хвалим, — ответила Варвара. — Пока не передумали.

— Тогда идём скорее.

Дарья сходила поставить вёдра в сени и вернулась с узелком еды. Фёдор подхватил у неё одну корзину, хотя она уверяла, что сама справится. Варвара пошла впереди, привычно проверяя палкой влажную землю.

За последними огородами тропа поднималась в гору и через несколько минут скрывалась под кронами кедров. Здесь пахло смолой, мокрой листвой и грибницей. Густые заросли лещины шуршали на ветру. Между стволами мелькали осенние жёлтые пятна клёна; высоко перекликались кедровки. У поворота Фёдор оглянулся на последние крыши. За ними дым уже почти растворился в тумане.

— Тихон тебя с утра искал, — сказала Дарья.

— Знаю. Ему всё кажется, что я к зиме не успею.

— А успеешь?

— Если ты сегодня грибы за меня сушить не заставишь — успею.

— Я тебя вообще ни к чему не заставляю.

— Ты и просить не станешь. Молча корзины принесёшь

— тут всякий поймёт.

Дарья фыркнула. Варвара покачала головой, но улыбки не скрыла.

Сначала грибы находились прямо у тропы. Варвара остановилась возле старого пня, отгребла опавшие листья и из-

влекла из-под них два крепких груздя. Дарья присела рядом, и обе на какое-то время забыли про Фёдора. Он отошёл к сухой сосне, прислушался к лесу, потом вернулся с двумя кедровыми шишками, тугими и липкими от смолы.

— Не рано за ними? — спросила Дарья.

— Белка раньше нас всё равно успеет.

— Вот с белкой и торгуйся. Нам грибы нужны.

— Не сердись, — сказал Фёдор и положил шишку ей на край корзины.

Варвара сделала вид, что не замечает их переглядок. В деревне любили судить о молодых наперёд, а она не терпела, когда чужую жизнь решали без спроса. Старуха срезала ещё один груздь и уложила его в корзину.

Дарья поправила на Фёдоровом плече ремень кузова: разлохматившийся край мог перетереться в лесу. Он привычно подставил ей руку, не прерывая разговора с Варварой. Старуха посмотрела на них и отвернулась к тропе. За молодых она любила радоваться молча: слишком часто чужое любопытство портило то, что ещё только складывалось.

За первой седловиной они свернули с тропки, по которой ходили на верхний покос. Фёдор прошёл к обрушившейся берёзе и подождал, пока женщины догонят. Дальше тропа терялась в траве, хотя Варвара при хорошем урожае грибов забиралась и глубже. Здешнее место они называли Сырым Плечом: склон будто нависал над ручьём, который из-за густых кустов почти не было видно. Внизу под камнями стояла

холодная вода, наверху росли осины и кедры. После дождей белые грибы здесь порой выглядывали целыми семьями.

Час спустя корзины заметно потяжелели. Дарья сняла платок, поправила волосы и снова завязала его под подбородком. Варвара настояла на коротком привале. Они уселись на поваленный ствол, разломали лепёшку, запили водой из берестяной фляги. Фёдор, как обычно, съел быстрее всех и поднялся проверить соседний склон.

— Далеко не уходи! — крикнула вслед Варвара.

— Не маленький!

— Маленький и то слушается.

Когда его шаги стихли, Дарья спросила:

— А правда, что на нижней реке опять стреляли?

Варвара не сразу ответила. Она отломала черствую корку и долго крошила её в ладони.

— От людей такое слышала. Только где теперь не стреляют?

— Батюшка говорил, к нашим местам не должны подойти.

— Отец твой понапрасну людей не пугает. Только весной сам велел у дальнего подхода дозор поставить.

— Думаешь, снова придут?

— Не знаю, — честно сказала Варвара. — А когда не знаешь, лучше раньше времени сердце не пугать.

Дарья хотела спросить что-то ещё, но Фёдор позвал их неожиданно коротко, без привычной шутки:

— Варвара! Дарья! Сюда!

Обе встали. Голос доносился из-за каменистой гряды. Сперва Дарья подумала, что он увидел след зверя или нашёл редкую поляну грибов. Но когда они обогнули валун, Фёдор стоял без движения и смотрел в кусты, держась за ремень почти пустого кузова.

На сырой земле, в стороне от грибного места, лежал человек.

Сперва Дарья увидела только сапог: один был разорван у пятки, и из него торчал грязный конец портянки. Потом — вытянутую, странно подвернувшуюся руку, мокрые волосы, прилипшие к виску. Незнакомец лежал лицом в мох, и оттого нельзя было понять, стар он или молод. Над ним нависал куст лещины; жёлтый лист, сорвавшись с ветки, лёг на мокрую гимнастёрку. Человек не пошевелился.

— Отойди, — сказал Фёдор Дарье.

Она подчинилась не сразу.

— Умер?

— Не знаю.

Варвара оперлась на палку. Она медленно оглядела соседний склон, будто хотела разглядеть не только человека, но и того, кто мог идти следом. У валуна не было ни кострища, ни следов стоянки; только кое-где смятая трава тянулась к поляне неровной полосой.

— Не трогайте, — произнесла Варвара. — Сначала посмотрите, кто он.

Фёдор присел на колени, повернул незнакомца за здоро-

вое плечо. Тот слабо выдохнул и открыл рот, словно хотел возразить, но никакого слова не получилось. Под гимнастёркой, у правого плеча, ткань слиплась в твёрдый тёмный ком. Рука была прижата к груди. Лицо, исхудавшее и бледное, было совсем молодым: на подбородке пробивалась редкая щетина.

— Жив, — сказал Фёдор.

Дарья присела возле него. Из-под распахнувшегося ворота потянуло тяжёлым запахом пота и застарелой крови.

— У него лихорадка.

— Вижу, — ответила Варвара и вдруг указала палкой на грязную фуражку у корней. — А это видишь?

На околыше, почти скрытая глиной, темнела звезда.

Фёдор разглядел её и убрал руку с гимнастёрки.

— Красный, — произнёс он.

Варвара перевела взгляд со звезды на неподвижные кусты за поляной. Ещё минуту назад она боялась, что чужак умрёт у них на глазах. Теперь испугалась, что кто-нибудь живой придёт его искать.

— Идём, — сказала Варвара. — Пока нас здесь никто не приметил.

— А его? — спросила Дарья.

— Его свои искать станут.

— Какие свои? Он здесь один.

— Откуда ты знаешь, что один? — Варвара понизила голос. — Слыхала про разъезды? Слыхала, что у переправы

было? Они в лесах друг дружку режут, а ты хочешь к нам домой войну на плечах принести.

Дарья посмотрела на незнакомца. Он дышал часто и мелко, иногда губы его дрожали. Возле уха засохла узкая полоска крови. Под прилипшей ко лбу прядью волос лицо казалось совсем мальчишеским.

— Хоть воды ему дадим.

— Даша, — предостерегла Варвара.

— Он пить не может попросить. Разве мы сами не видим?

Фёдор молча осмотрел землю ещё раз. Сюда человек, похоже, пришёл снизу, вдоль ручья, но последние следы дождь расплыл до неузнаваемости. До верхних покосов, где началась знакомая тропа домой, отсюда был добрый час ходу, да ещё подъём. Втроём они едва ли сумеют дотащить взрослого мужчину прежде сумерек.

Он вынул из-за пояса флягу, отвинтил крышку и присел снова. Дарья подложила под голову незнакомца сложенный платок; Фёдор осторожно смочил ему губы. Раненый попробовал сглотнуть, закашлялся и отвернулся. Воду больше не давали.

— Слышишь? — тихо спросила Дарья.

Никто не ответил. Незнакомец лежал неподвижно. Только под гимнастёркой мелко вздрагивала грудь.

— Понесём — рану растревожим, — сказал Фёдор. — Оставим — до утра не дотянет. И след наш останется: если его ищут, могут и до покосов дойти.

— Вот и говорю: уходить надо, — подхватила Варвара.

Фёдор посмотрел ей прямо в глаза:

— А тебе потом спаться будет?

Старуха сердито дёрнула платок под подбородком.

— Не учи меня совести. Я побольше твоего видела.

— Знаю.

— Не знаешь. Ты когда ребятёнком был, нас из прежнего места гнали. Не всех, кто вышел оттуда, обратно дождались. Не за себя боюсь. Там, дома, дети.

— Я и про них думаю.

Варвара отвела взгляд. Её муж умер уже здесь, в Тихом Логу, но узелок со старой детской рубашонкой она держала на дне сундука до сих пор. Фёдор знал, чья рубашонка лежит в том узелке. Он помолчал.

— Может, он сам людей убивал, — сказала она тише.

— Может, — ответил Фёдор. — А может, и нет.

— И что нам с того?

— Разберёмся, когда очнётся. Сейчас ему не до ответов.

Он снова наклонился над раненым. На миг дрогнули чужие веки, губы шевельнулись. Фёдор разобрал только одно слово:

— Прохор...

Затем человек затих, и Дарья, испугавшись, потянулась к его шее. Под пальцами бился слабый пульс.

— Живой, — сказала она.

Варвара поджала губы.

— Он же мальчишка ещё.

В другое время Дарья могла бы напомнить старухе её собственные слова, но сейчас промолчала. Варвара уже не смотрела на фуражку со звездой.

Фёдор встал. Поправил нож на поясе, словно собирался заняться обычной работой.

— Из жердей сделаем волокушу. До ровного места протащим. А потом кого-нибудь за подмогой отправим.

— Ты и правда решил? — спросила Варвара.

— Решил.

— Еремей что скажет?

— Не знаю. Сам ему скажу.

Старуха долго молчала, потом сняла с плеч корзину и опустила её на землю.

— Тогда поменьше разговоров. День не длинный.

Фёдор пошёл искать прямые жерди. Дарья осталась возле незнакомца. Она не знала его имени, не знала, из какого он отряда и как далеко сумел зайти от своих. На ладони у неё лежал мокрый платок, прежде белый, теперь серый от лесной земли. Раненый дышал. Пока это было единственное, в чём она могла быть уверена.

Для жердей Фёдор выбрал две молодые берёзки, ещё весной поваленные ветром. Обрубив сухие сучья, он связал тонкие концы поперечиной, а на толстых укрепил корзинные ремни. Получилось нечто среднее между носилками и воло-

кушей: по ровной земле задние концы можно было тянуть, по камням приходилось поднимать всю тяжесть.

Полотно для ложа взяли из Варвариного узла; поверх она расстелила свой тёплый платок. Корзины с грибами оставили под вывороченным пнём и прикрыли лапником. Фёдор сперва хотел убрать одну из них подальше от сырости, но Варвара остановила его:

— Не грибы сейчас домой несём.

Раненого переложили втроём. Дарья держала голову и здоровое плечо, Варвара помогала с ногами; Фёдор осторожно подтянул тело на полотно. И всё-таки Андрей выгнулся от боли, хрипло вскрикнул и снова обмяк. На лице его выступил пот.

— Прости, — шепнула Дарья прежде, чем успела подумывать, слышит ли он.

Первый отрезок дороги показался простым. Фёдор впрягся в ремни, женщины подхватили жерди с боков, чтобы волокуша меньше билась о корни. Мокрая хвоя гасила скрип древесины. Несколько раз они останавливались на маленьких полянах, где можно было выпрямить спину. Но чем выше уходила тропка, тем чаще волокуша цеплялась за корни. Там, где утром они легко переступали через камни, приходилось втроём поднимать жерди на уровень пояса и тащить, стараясь не раскачивать человека.

Узкая полоска солнца на короткое время показалась над гребнем, потом снова исчезла. Воздух наполнился запахом

прогретой смолы. Под опавшей листвой зашевелились насекомые, и от этого почти летнего запаха было ещё труднее поверить, как близка смерть к человеку, которого они несли.

— Поставь, — выдохнула Дарья.

Фёдор опустил передний конец жердей. Дарья согнулась, прижав ладони к коленям. Пальцы сводило судорогой; тесьма ремня натёрла кожу под большим пальцем до крови.

— Ты можешь дальше? — спросил Фёдор.

Она выпрямилась слишком быстро и пошатнулась.

— Могу.

— Правду говори.

— Могу, только дай минуту.

Варвара достала хлеб. Ели стоя, запивая сухие ломти водой из фляги. От усталости куски с трудом проходили в горло, и никто не попросил добавки. Незнакомец лежал с закрытыми глазами; от его мокрой одежды поднимался слабый пар. У Даши появилась дурная мысль: вдруг они несут уже мёртвого, а признать это никто не решается? Она присела, приложила ладонь к его грудной клетке и ощутила под тканью неровное движение.

— Жив, — сказала она, и Фёдор молча кивнул.

Ни о своём решении, ни о деревне больше не говорили. На скользком подъёме Фёдор один раз упал на колено, не выпустив ремней; тогда Варвара ругнулась так, как Дарья никогда прежде от неё не слышала. На повороте один из узлов разошёлся, и они потеряли четверть часа, затягивая мокрую

верёвку дрожащими руками. В другое время Фёдор сумел бы сделать новую волокушу быстрее; теперь он сердился на собственную торопливость и изо всех сил старался не показывать этого.

Там, где среди кедров начинался длинный косогор, он остановился окончательно. Земля справа круто уходила в заросшую распадину. Стоило ноше соскользнуть, и удержать её никто бы не смог.

— Дальше так не пойдём, — сказал он.

— Значит, не дотащим? — спросила Варвара.

— Дотащим, когда людей позовём.

Он посмотрел на Дарью:

— Беги по верхней тропе к сенокосу. Доберёшься до берёзового пня — там уже наша сторона. Если встретишь Митю, пошли к Савелию. Если нет — сама в деревню. Пусть приходят с крепкими жердями, четверо мужиков. И Устинью предупреди: раненый, жар сильный.

Дарья оглянулась на незнакомца.

— А вы?

— Перенесём вон под тот навес. Тут сухо. Будем ждать.

— До вечера не успею.

— Успеешь. Только на верхнем покосе не сворачивай к речке: там после дождя размывло.

Она поколебалась. Носилки можно было оставить под ближайшим кедром, где каменные выступы образовывали защиту от ветра, но сама мысль — уйти и оставить больного

— казалась ей неправильной. Фёдор заметил это.

— Даша. Ты тут уже всё сделала. Теперь другая работа. Варвара протянула девушке остаток хлеба.

— Возьми. И ноги береги. Ещё тебя до дома нести не хватало.

Дарья засунула хлеб в карман, ту же завязала платок и полезла вверх по склону. На первых шагах она спотыкалась, будто тащила невидимую часть носилок за собой. Потом дыхание выровнялось, тропа стала заметнее, и лес быстро скрыл оставшихся.

Фёдор прислушивался к её удалявшимся шагам, пока не перестал слышать. Затем поднёс флягу к губам раненого, снова смочил их и убрал воду.

— Как его, по-твоему, зовут? — спросила Варвара.

— Не знаю.

— Может, Прохор? Он ведь бормотал.

— Скорее другого звал.

— А у самого, стало быть, никого рядом нет.

Фёдор подтащил волокушу под выступ камня. Там пахло сухой хвоей, и ветер не доставал до земли. Он набросил на раненого свой верхний кафтан, подложил под ноги пучок травы. Потом сел на корточки, продолжая держать верёвку, словно и здесь нужно было беречь носилки от падения.

Прошло время. По лесу поползла сырость. Варвара дважды выходила на пригорок и возвращалась ни с чем. Фёдор пробовал считать минуты, прислушиваясь к равномерным

каплям, падавшим с ветки на камень. Счёт всякий раз сбивался, когда больной начинал бредить.

— Прохор... вниз... — едва слышно выговорил Андрей. Фёдор наклонился.

— Кого зовёшь?

Ответа не последовало.

— Вот что, солдат, — тихо сказал Фёдор. — Я тебя не знаю. И ты меня не знаешь. Ты уж потерпи, пока наши придут.

Варвара слышала его слова. Она потянулась к мокрой фуражке, которую положили рядом с волокушей, подержала её в ладонях и спрятала под край своего передника, чтобы не торчала звезда.

— От людей прячешь? — спросил Фёдор.

— От дождя, — отрезала она.

Но фуражку больше не доставала.

Дарья выбралась на верхний покос, когда солнце уже стояло низко. Здесь тайга отступала от вырубленной полосы, и можно было смотреть далеко: на тёмный гребень сопки, на излом реки внизу, на деревья по краю поляны. Вдали дым от деревенских печей поднимался не прямо вверх, а клонился к востоку. Дарья впервые за день ощутила родной запах огня.

У края покоса Митя, её десятилетний брат, пытался отвести домой упрямую корову Морошку. Услышав быстрые шаги, мальчик поднял голову.

— Дашка! А где грибы?

— Слушай внимательно, — ответила она, запыхавшись.

— Беги к Савелию, потом к Павлу. Пусть возьмут носилки или две длинные жерди. Фёдор с Варварой ждут у каменного навеса на верхнем косогоре. И Устинье передай: человека раненого нашли, жар у него.

Митя нахмурился.

— Какого человека?

— Чужого. Живого. Быстрее, Митя.

— А Морошку кому?

Дарья увидела, что корова уже вытягивает шею к молодой ольхе, совсем не заботясь о судьбе людей. Она взяла у брата верёвку.

— Мне. Беги.

Мальчик побежал так быстро, что шапка слетела с головы. Он вернулся за ней, наскоро нахлобучил, снова кинулся по тропе. Дарья смотрела ему вслед с неожиданным страхом. Чужак, о котором они ещё ничего не знали, уже заставил её брата бежать сломя голову через покос. Что будет, когда люди узнают о красной звезде?

Она привязала корову к жерди, напилась из колоды у ручья и поспешила вслед. У крайнего двора Тихого Лога её остановила мать. Марфа выносила из сеней решето с просеянной мукой и сразу заметила исцарапанные руки дочери.

— Ты что, упала?

— Нет, матушка. В лесу человека нашли. Фёдор с Варва-

рой его несут.

— Какого человека?

— Военного. Раненого. Красного.

Марфа поставила решето так осторожно, словно боялась рассыпать не муку, а последние слова дочери.

— Тише говори. Отец знает?

— Митя пошёл за людьми. Я сама скажу.

Она прошла было к дому Еремея, но Марфа взяла её за запястье:

— Даша, сядь на минуту. Посмотри на свои руки.

Дарья глянула на содранную кожу. Тело вдруг вспомнило усталость; её качнуло.

— Сейчас не могу. Они там ждут.

Мать отпустила руку, хотя по лицу было видно, что отпустить не хочет. От двери хлева кто-то позвал её по имени. На другом дворе закричал ребёнок. У кого-то хлопнула дверь, и Марфа машинально повернулась на звук. Дарья вытерла о юбку мокрую ладонь и ускорила шаг.

Дарья успела дойти до амбара, когда из-за него вышли Савелий и Павел. Они несли широкие жерди, на концах которых были привязаны плотные кожаные петли. Позади спешил Митя, уже рассказывая что-то на ходу.

— Там медведь был? — спросил Савелий.

— Какой медведь?

— Митя говорит, солдат от медведя еле ушёл.

— Я про медведя не говорил! — возмутился мальчик. —

Я сказал: солдата в лесу нашли!

— Вы лучше идите, — устало сказала Дарья. — Пока темно не стало.

Мужчины не стали расспрашивать. Савелий посмотрел на её руки, кивнул Павлу, и оба зашагали к верхней тропе. Следом, догнав их возле огородов, пошёл Тихон, Фёдоров старший брат. Дарья заметила его уже на расстоянии и успела услышать, как он спрашивает Савелия, зачем было тащить с собой красного.

Она отвернулась. Сейчас у неё не осталось сил ни спорить, ни оправдываться.

Тихон увидел носилки издалека, едва мужчины вышли к каменному навесу. Под брошенным на человека кафтаном угадывалась военная гимнастёрка; возле ног белела чужая портянка. Фёдор поднялся навстречу, не выпуская края жерди.

— Долго вас не было, — сказал он вместо приветствия. — Надо скорее.

— Ты в своём уме? — спросил Тихон. — Кого ты сюда тащишь?

— Раненого.

— Я вижу, что не мешок с крупой! Чей он?

— Нашли с красной звездой.

— Так и знал.

Савелий заглянул под кафтан, увидел серое молодое лицо

и без слов опустил­ся воз­ле но­си­лок. Па­вел раз­вя­зал мо­крый ре­мень. Они при­не­сли кре­п­кое по­лот­но и длин­ные пе­рек­ла­ди­ны, так что те­перь но­шу мо­жно бы­ло не во­ло­чить, а не­сти вчет­ве­ром, сменяя друг дру­га на уз­ких мес­тах.

— Го­во­рил я вам ве­с­ной, — про­дол­жал Ти­хон. — Даль­нюю тро­пу на­до за­крыть. А ты чу­жого в дом ве­дёшь.

— По­ка до де­рев­ни, — от­ве­тил Фё­дор. — А там Ере­мей ре­шит, в ка­кой дом.

— А е­сли он при­ка­жет вы­не­сти об­рат­но?

— Я об­ьяс­ню ему.

— Ты по­ни­ма­ешь, что за на­ми сю­да те­перь по­йти мо­гут?

Фё­дор под­нял гла­за на б­ра­та. На миг в них про­мельк­нуло раз­дра­же­ние, ко­торого пре­жде он не по­ка­зы­вал.

— По­ни­маю. А те­перь возь­мись спереди. Позд­но уже, он еле ды­шит.

Ти­хон от­крыл рот, со­би­раясь воз­ра­зить. Но Па­вел уже по­дал ему ре­мень. Ти­хон взялся за него, бурк­нул что-то и шаг­нул в строй. Он не пе­ре­стал сердиться; ру­ки про­сто ока­за­лись нуж­нее слов.

Пу­ть об­рат­но с че­ты­рь­мя муж­чи­нами по­шёл бы­стрее, хо­тя на ка­мени­стом спус­ке под ска­лой при­шлось дви­гаться бо­ком, не­ся но­сил­ки поч­ти на ве­су. Спер­ва Фё­дор от­ста­вал и шёл сзади, при­слу­ши­ваясь к ды­ха­нию боль­ного. По­том Са­ве­лий ве­лел ему вы­йти впе­рёд, по­ка­зать, где мо­жно обойти скольз­кий ка­мень. Фё­дор мог бы ска­зать, что он тут до­ро­гу зна­ет с де­тства, но про­мол­чал. Спор уже на­чи­нался, и не бы-

ло смысла подбрасывать в него ещё слова.

Когда скалы остались позади, открылся нижний край долины. Вечерний дым стлался над крышами. На сенокосах чернели последние стога, у огородов пестрели дровяные сараи. Тихий Лог лежал в стороне от всяких больших дорог, в чаще между двумя горными отрогами. Со стороны верхнего покоса к нему выводила только извилистая тропа, терявшаяся в камнях. Всего девять дворов, речка, мостки, выкопанные из каменистой земли гряды. Со склона деревня казалась продолжением долины: ни колокольни, ни площади, ни прямой улицы. Дома стояли так, как позволяла земля, — один ближе к воде, другой на сухом бугре, третий под защитой берёзового склона.

Возле крайней избы сохли на жердях связки лука. За домом Марфы шумела ручная мельничка. Старый Семён обтёсывал у сарая новое корыто, и стук топора ровно проходил через вечерний воздух. В одном дворе ребёнок ловил курицу, выскочившую из загородки, в другом женщина снимала с верёвки пелёнки. У моельного дома — низкой постройки без колокольни — темнел навес для дров. По воскресеньям сюда сходились семьями, стояли перед старыми образами, читали по книгам, чьи потемневшие страницы берегли от сырости пуще зерна. В будни молитвы были короче: кто стоял перед образами дома, кто крестился у порога, прежде чем уйти в лес. Женщины пряли и сушили овощи, мужчины чинили мостки и косы; ребяташки могли за день извозиться

в речном иле так, что матерям приходилось отмывать их возле бани. И всё же хозяйственный порядок не всегда означал лад между соседями. У кого-то хлеб подгорал в печи, кто-то бранился из-за потерянного топора, кто-то ещё с прошлого лета не разговаривал с соседом из-за межи.

В деревне не любили чужих расспросов. Старый Семён ещё помнил, как в прежнем селении сборщики увели с двора двух лошадей за недоимку, а в другой раз пришли уже вооружённые люди. Здесь от чужого глаза берегли не сокровища — посевы, скотину, детей и тёплые дома, на которые ушли годы.

За околицей Тихон сказал, не оборачиваясь:

— К Еремею. Сразу. Пусть сам решает.

— Он на верхнем участке, — ответил Савелий.

— Послать надо. Митя! — крикнул Тихон.

Мальчик, стоявший возле плетня, сорвался с места. К этому времени он уже успел разнести новость по нескольким дворам, и теперь из сеней выходили люди. Сначала женщины, потом мужчины, не успевшие закончить работу. Тихий Лог был мал, и необычное зрелище собирало всех быстрее любого колокола.

— Кто это?

— Где нашли?

— Да не толпитесь, воздуха ему не даёте!

— Красный он, я же сказал!

Весть о красном солдате перешла от плетня к плетню

быстрее носилок. Кто-то шарахнулся, заметив военную гимнастёрку, кто-то расспрашивал, нет ли при чужаке оружия. Молодая женщина с младенцем на руках попросила мужа увести детей со двора.

Возле дома Еремея ждала Дарья. Она успела перевязать ладони полосками полотна, но под правой повязкой уже проступило красное пятно. Увидев носилки, она побежала навстречу, затем остановилась, боясь помешать.

— Жив?

— Жив, — сказал Савелий.

Тихон вышел вперёд:

— Нечего сюда всех тащить. Поставьте в малой избе у Марфы. Пока старший не пришёл — никуда больше.

Марфа стояла на крыльце. Домом, который называли «малой избой», было пустовавшее помещение сбоку от хозяйского двора: печь там топили редко, зато лежанка и сухие доски сохранились с прошлой зимы. Марфа оглянулась на тропу со стороны сенокоса, потом на лицо раненого. Ждать мужа на холоде не имело смысла.

— Несите, — сказала она. — Только обувь мокрую снимите на пороге. Воду уже грею.

У двери раздался чей-то возмущённый голос:

— А если он заразный? Вон как горит!

— Тогда в первую очередь вам бы отойти, — отрезала Устинья, появившаяся с узлом чистых тряпиц. — А то ближе всех заглядываете.

Она была сухощавая, небольшая, с острыми внимательными глазами. Лекарем себя не звала; за много лет ей приходилось принимать роды, вправлять вывихи и сидеть возле тех, кому уже мало чем можно было помочь. Когда Устинья просила воды или чистого полотна, их приносили без споров.

Внутри пахло холодным деревом, льняным волокном и погасшей золой. Мужчины положили раненого на деревянную лежанку, подложив под него тюфяк. Устинья велела всем, кроме Марфы и Дарьи, отойти к стене, а затем — во-все выйти, если ничем не помогают. Даже Тихон послушался, хотя остался у порога.

Дарья осторожно развязала затвердевшую повязку. Устинья велела не отдирать её силой, а размочить остывшей кипячёной водой. При свете лампы открылась рана. Пуля, по всей видимости, прошла через верхнюю часть плеча; кожа вокруг распухла и покраснела. На спине темнело второе отверстие. Устинья коснулась его краёв чистым полотном и нахмурилась.

— Давно это с ним, — сказала она.

— Два дня, может, три, — ответил Фёдор из дверей. — Не знаем.

— Жар сильный. Крови много потерял. Здоровая рука тёплая, но пальцы холодеют. Без питья совсем ослабнет. А сейчас глотать толком не может. Следить придётся.

— Выживет? — спросила Марфа.

Дарья заметила, как мать посмотрела на лежанку, потом на распахнутую дверь. Марфа ни разу не сказала, что раненого следовало оставить в лесу. Она нашла сухую рубаху, принесла чистое полотно и всё время поглядывала на дверь, дожидаясь мужа. Дарья знала: когда мать тревожится, руки её работают ещё быстрее.

— Ты не сердись на отца, коли он скажет не то, чего ждёшь, — шепнула Марфа дочери, когда Устинья отошла за водой.

— А что он может сказать?

— Не мне решать. Вспомни, сколько нас здесь.

— Я помню.

— И детей помни, не одного Митю.

Дарья уже раскрыла рот, чтобы возразить, но, посмотрев на мать, спросила другое:

— А ты бы как сделала, матушка? Если бы нашла его первой?

Марфа долго разглаживала пальцами край передника. Её ответ Дарья услышала не сразу:

— Не знаю. Оттого и страшно, что не знаю.

Устинья вернулась к лежанке. Она не стала отвечать сразу. Попросила поставить рядом таз и сменила мокрое полотно на свежее.

— На сегодня мне главное жар сбить, — сказала Устинья, поправляя повязку. — Об остальном потом разговаривайте. Снаружи толпа расходилась неохотно. Все ждали Еремея.

Когда дело касалось всей общины, без Еремея не решали. Его совет спрашивали и в тяжёлые зимы, и при переселении; теперь тоже ждали, пока он вернётся с покоса.

Тихон стоял у сеней и пристально смотрел на лес, уже темневший за крышами. Он помнил не одну такую вечернюю суету, когда в прежних местах в дом приводили незнакомца, а на завтра являлись люди с вопросами. После таких вопросов однажды не вернулся его дядя. Фёдор вышел к нему и сел на нижнюю ступеньку.

— Бросить не мог, — сказал он негромко.

— Я не спрашивал, мог ли ты. Я спрашиваю, что дальше будем делать.

Фёдор вытер лицо ладонью. На рукаве его засохла чужая кровь.

— Ты бы мимо прошёл?

Тихон не сразу ответил.

— Один бы нашёл — может, и прошёл. А раз домой уже принесли... — Он осёкся, затем посмотрел на брата с досадой. — Не знаю я, Федя. Оттого и злюсь.

На дворе загремела калитка. От верхнего сенокоса возвращался Еремей.

Он вошёл в малую избу без спешки, хотя по усталым лицам уже понял, что его ждут. На длинной тёмной рубахе виднелись следы древесной пыли; седая борода была стянута у самого конца, чтобы не мешала работать. У порога он снял

шапку, ненадолго остановился перед образом в красном углу и перекрестился двуперстно. Затем выслушал Устинью, не перебивая.

— Военный, — закончила она. — Живой. Но рана худая, жар большой. Спроси хоть кто-нибудь меня утром, сказала бы: оставишь в лесу — до вечера не доживёт. А здесь ещё поборемся.

Еремей кивнул. На краю скамьи лежала мокрая фуражка, бережно расправленная кем-то из женщин. Старик взял её, увидел звезду, положил обратно. Потом наклонился так близко, что слышал частое, неровное дыхание.

— Где нашли?

— На Сыром Плече, с дальней стороны, — сказал Фёдор.

— Один?

— Один. Чужих следов не видел. Он сам до поляны брёл, падал, вставал. Дальше дождь всё смыл.

— Оружие?

— Не было.

Еремей повернулся к Дарье.

— Ты тоже была?

— Была, батюшка.

Он посмотрел на её перевязанные ладони, но ничего о них не сказал.

— И ты согласилась нести?

— Согласилась.

— А Варвара?

— Сначала нет, — ответила девушка. — Потом помогала. Варвара, сидевшая на лавке, недовольно покачала головой:

— Чего уж там. Я и теперь не уверена, что правильно сделали.

— Вот и я не уверен, — тихо сказал Еремей.

Еремей редко говорил о собственных сомнениях, и в избе сразу притихли. Священника в их старообрядческой общине не было: общую молитву вёл наставник, выбранный самими жителями. Но в трудные годы Еремей вместе с несколькими семьями искал место для нового поселения, и с тех пор почти каждое общее дело начиналось с его совета. Еремей пережил голодную зиму и видел, как после вооружённых людей оставались пустые дворы. В этой долине он не раз решал, кому достанется последняя мука.

— Федя, — сказал старик, — скажи, что ты подумал, когда увидел его.

Фёдор смутился.

— Что помрёт он там.

— А про то, что к нам приведёшь чужого военного, подумал?

— Подумал.

— И всё-таки понёс?

— Понёс.

Еремей медленно провёл по бороде.

— Понятно.

Фёдор так и не понял, осуждает ли его старик. Старик сел на край лавки. Через щель в неплотно прикрытой двери виднелись лица ожидавших снаружи мужчин. Тихон, не выдержав, шагнул вперёд.

— Долго ли гадать, Еремей? Он красный. Нас и белые-то не жалели, а от этих тем паче добра не дождёшься. Откуда знаем, что за ним не идут? Мы тут дети растим, хлеб сеем. Не для того хребет переходили, чтоб снова всем вместе бежать.

— Всё ты верно говоришь про детей, — ответил Еремей.

— Тогда что же решать?

— Не знаю, что он нам принесёт. Но вижу, что живой.

— Живой и может за собой десяток других привести, — упрямо сказал Тихон.

— Может, — ответил Еремей.

Устинья, до сих пор молча складывавшая чистую материю, подняла голову:

— А от его звезды жар меньше не станет. Мне бы больного уложить как следует, да чтоб народ из сеней разошёлся. Всё равно ему нынче ничем не поможете.

— Погодите, — сказала Варвара. — Я первой уходить велела. А теперь он уже здесь. Не стану говорить, будто не боюсь. Боюсь. Только он же совсем молодой. У матери-то его, может, и весточки нет.

Тихон сердито вздохнул:

— Всё вы про жалость. А если завтра их целый отряд сюда придёт?

— Завтра и думать будем, — сказала Варвара. — А нынче куда его? Опять в лес?

— Не на меня всё переваливайте, — сказал Тихон. — Я за всех спрашиваю.

— И правильно спрашиваешь, — неожиданно отозвался Савелий из сеней.

Он стоял, ещё не успев отмыть глину с ладоней. За его спиной теснились Павел и старый Семён. Тихон повернулся к нему: в голосе Савелия ему послышалась поддержка.

— Только я вот думаю, — продолжил Савелий. — Мы сегодня чужого из лесу тащили. А завтра, может, у меня сын в тех же лесах ляжет. И кто знает, подойдёт ли к нему хоть кто. Я за своим пойду — и чужого мимо не обойду.

— Твой сын с винтовкой по тайге не шастает, — ответил Тихон.

— Пока нет. А что дальше будет, ты знаешь?

Семён, до сих пор молчавший, переступил с ноги на ногу:

— Красных я прежде видел. Разные попадались. Вот и этот — сперва бы очнулся, тогда спрашивать.

Еремей поднял ладонь, останавливая спор прежде, чем он пойдёт по кругу. Все трое мужчин замолчали. Еремей и без голосования видел: никто не желает бросать раненого, но никто не знает, чем это обернётся.

Молчание затянулось. За стеной заскрипели ворота. Кто-то позвал ребёнка домой, потом дважды ударила о ведро железная дужка. Сквозь неплотную дверь в избу тянуло запа-

хом дыма и холодной земли. Андрей лежал недвижно; один раз его губы дрогнули, но никто не разобрал ни звука.

Еремей поднялся и подошёл к окну. Сквозь мутное стекло виднелись последние огоньки в домах. Первой зимой здесь было три двора. Хлеб берегли по ломтю, а крыши крыли дранкой уже под снегом. Тогда у них не нашлось бы места для чужого больного — да и для своего едва находилось. Еремей провёл пальцем по щели в оконной раме: холодом тянуло даже теперь, когда каждый дом стоял крепко.

— А ты, Дарья? — спросил он, не оборачиваясь. — Чего ты хочешь?

Девушка смотрела на свои колени. Она не ожидала вопроса. В избе молчали люди, которые прежде всегда знали, что делать. У Дарьи запекло разбитые ладони, и она спрятала их под передник.

— Чтобы он до утра дожил, батюшка, — сказала она.

— А дальше?

— Дальше не знаю.

Еремей повернулся. Лицо его было усталым и строгим, но голос остался спокойным:

— Вот и мы не знаем.

Тихон покачал головой, будто уже понял, к чему идёт дело. Фёдор стоял у притолоки и держался за ремень своего пояса; Дарья видела, что костяшки пальцев у него побелели. В печи потрескивала сырая щепка. Никто не торопил Еремея.

Еремей подошёл к лежанке. Наклонился и осторожно кос-

нулся тыльной стороной ладони лба раненого. Кожа была горячая. На воротах мокрой гимнастёрки прилип жёлтый лист. Старик осторожно снял его и выпрямился.

— В доме оставим, — сказал он.

Тихон шагнул ближе:

— Еремей...

— Выслушай. Поставим дозор у дальнего подхода. Завтра Фёдор с Тихоном проверят следы. Оружия при нём нет, и соваться одному за деревню ему не дадим, пока не встанет и не скажет, кто он. Но человека, которого уже притащили с той стороны гор, обратно умирать не понесём.

— Если из-за него беда придёт, кто отвечать будет?

Еремей посмотрел сперва на Тихона, затем на Фёдора, Дарью и Варвару. У Фёдора за воротом запеклась грязь, на ладонях Дарьи белели повязки. Варвара не поднимала глаз.

— Я, — сказал старик. — Перед вами отвечать буду.

Марфа, стоявшая у печи, тихо перевела дыхание. Устинья взяла чистую повязку и вернулась к больному. Тихон не согласился — это было видно, — но отступил от двери. Фёдор разжал пальцы на ремне.

Еремей обернулся к жене:

— Топи. И пусть кто-нибудь принесёт тёплого питья. Устинья скажет, когда давать. Ночью без присмотра его не оставляйте.

Дарья хотела поблагодарить отца, но не нашла нужных слов. Только подошла к лежанке и поправила сползший край

одеяла. У Андрея вздрогнули веки, и ей показалось, что он вот-вот очнётся. Однако он лишь глубже втянул воздух и снова затих.

За дверью люди начинали расходиться к своим домам. У кого-то остывала в печи каша, у кого-то не были напоены животные. Всё делалось как прежде: несли воду, закрывали хлев, раскладывали на ночь угли в печах. Только возле малой избы ещё долго не гас свет.

Андрей Лунёв лежал под чужим одеялом и не знал ни имён людей вокруг, ни того, какой дорогой его принесли сюда. Он не слышал последнего распоряжения Еремея и не мог поблагодарить Фёдора, который всё ещё стоял у двери.

Ему оставили место у печи и ночь, которую он, возможно, сум

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗА СЕМЬЮ ГОРАМИ

Первую ночь Андрей Лунёв не проснулся.

Устинья сказала, что это ещё не самое худшее. Хуже, когда больной начинает метаться, срывает с себя повязки и зовёт тех, кто не придёт. Однако к полуночи он принялся говорить. Слова выходили из сухих губ обрывками, вперемежку с тяжёлым дыханием; то он требовал винтовку, то просил неизвестного Прохора пригнуться, то вдруг начинал уверять кого-то, что дорогу найдёт сам.

Дарья сидела рядом с лежанкой и ловила каждое движение его головы. За стеной скрипел на ветру сучок. Из большой избы доносились приглушённые шаги матери: Марфа грела воду, носила чистое полотно, а потом опять уходила, стараясь не будить Митю. Печь в малой избе долго не хотела разгораться. Когда наконец занялось сухое полено, тени от огня поползли по низкому потолку и по старой иконе в красном углу, которую здесь не убрали даже тогда, когда помещение перестало быть жилым.

— Не наклоняйся так близко, — сказала Устинья. — Ему от твоих глаз легче не станет.

— Я слушаю, как дышит.

— Дышит. Вон грудь ходит. А ты сама к утру свалишься,

если каждый вздох считать будешь.

Устинья была права, но Дарья не отодвинулась. Днём, когда они нашли раненого, не было времени подумать, что именно она делает. Нужно было держать жерди, бежать за помощью, объяснять матери, зачем привели чужого солдата. Теперь, когда всё решилось и вокруг стало тихо, страх наконец догнал её. Если он умрёт на этой лежанке, за стеной которой она столько раз пряталась от брата в детстве, что тогда? Куда его понесут? Кто назовёт его по имени, когда будут хоронить?

— У него мать есть, — тихо сказала она.

— У всех была, — отозвалась Устинья. — Лучше тряпицу подай.

Девушка подала. Устинья осторожно сменила влажное полотенно у правого плеча. Рану она промывала кипячёной водой, давала крови и сукровице стечь, затем прикрывала чистой тканью. Иногда её лицо становилось совсем неподвижным, и Дарья понимала: старуха видит что-то нехорошее, но говорить при больном не хочет.

— Не загноится? — спросила Дарья.

— Уже нехороша. Только ты ему раньше срока могилу не рой. Живой человек иной раз и без нашей науки выкарабкивается, а другой — с пустяковой царапины сгорает.

На рассвете пришёл Фёдор. Он не стал входить сразу. Поставил возле порога охапку сухих дров и долго вытирал сапоги о связку прутьев, хотя грязи на них почти не было.

— Ну что? — спросил, увидев Устинью.

— Пока здесь, — сказала она. — На тот свет не собирается, а на этот ещё не вернулся.

Фёдор посмотрел на лежанку, на её неровно вздымающееся одеяло. Дарья заметила, что он принёс не только дрова, но и отремонтированную кожаную петлю от носилок. Держал её в руке, словно случайно захватил с собой.

— Тихон ждёт, — сказал он. — Пойдём верхний подход смотреть. Еремей велел.

— А вдруг в лесу кто-то есть? — спросила Дарья.

— Вот за этим и идём.

Фёдор оставил ремень на лавке и вышел.

За окном раздались два мужских голоса. Один принадлежал Фёдору, другой Тихону. Старший брат говорил резко, младший отвечал коротко. Потом скрипнула калитка, и оба голоса ушли в сторону леса.

Андрей приподнял здоровую руку. Дарья наклонилась, думая, что он очнулся, но пальцы лишь шарили по одеялу, будто искали упавшую вещь.

— Нет тут винтовки, — сказала она едва слышно. — И не нужна тебе сейчас.

Рука опустилась. Он ничего не ответил.

Сначала Андрей слышал воду.

Она не шумела, как лесной ручей, и не била по камням. Негромко стучалась о стенки глиняной посуды, потом пе-

реставала; рядом скрипел пол, кто-то осторожно передвигал деревянную скамью. На улице перекликались птицы, каких он не мог назвать. Андрею казалось, что он лежит под тем самым вывороченным корнем и дождь теперь капает прямо ему в ухо. Потом он вспомнил поляну, рябину, мокрую кору, по которой соскользнула ладонь, — и стало страшно. Если это всё ещё лес, он уже не поднимется.

Он открыл глаза.

Над ним был потолок из потемневших брёвен. Между двумя венцами торчала полоска пакли. Чуть дальше, в углу, мерцал огонёк перед иконой. Андрей зажмурился, снова посмотрел. Потолок не исчез. У окна стояла женщина в тёмном платке и размешивала что-то в чашке. В комнате пахло хлебом, печной золой, прогретым деревом и ещё чем-то горьким, лекарственным.

Он попытался пошевелить правой рукой. Боль так резко прошла плечо, что Андрей выдохнул сквозь зубы. Женщина обернулась.

— Проснулся? — спросила она, подходя. — Не ворочайся. Рука перевязана.

Он хотел спросить, где находится, но вместо голоса вышел сухой хрип. Женщина поднесла к его губам ложку с водой.

— Потихоньку. Не жадничай.

Вода коснулась языка. Андрею почудилось, что он никогда прежде не пил ничего вкуснее. Он потянулся за второй ложкой, за третьей, но женщина отняла чашку.

— Пока довольно. Горло к воде привыкнуть должно.

— Где... — выговорил он.

— В избе. В тепле. Этого тебе на сегодня хватит.

Это была худощавая женщина с крепкими руками. Рядом с ней на лавке стояли глиняный кувшин, коробка с сухими травами и отдельная, чисто выскобленная ложка.

— Кто вы? — спросил он, собравшись с силами.

— Устиньей зовут. А ты кто будешь?

Он задержал ответ. Имя назвать нетрудно; трудно понять, кому и зачем оно нужно. Если он у белых, тем нужен будет не только ответ на этот вопрос. От него потребуют отряд, связанных, переправы. Если у местных, неизвестно, на чьей они стороне.

— Андрей, — сказал он наконец.

— Как ещё?

— Лунёв.

— Вот и познакомились, Андрей Лунёв. А теперь лежи. Вставая, всё себе испортишь.

Он посмотрел на дверь. За ней никто не стоял, оружия на стенах не было. Лишь возле притолоки висела грубая мужская шапка, чужая, непривычного покроя. Трудно было поверить, что его занесли сюда белые: тогда ему прежде всего связали бы руки. Но если дом принадлежит красным, почему женщина не спрашивает, из какого он подразделения?

— Кто меня привёз?

— Не привёз. Принесли.

— Кто?

— Наши люди. Нашли в лесу.

— Где в лесу?

— А тебе сейчас для чего?

Андрей замолчал. Он и впрямь не знал, для чего. Только от невозможности представить место, где очнулся, становилось тревожно. Мир, который ещё вчера казался безграничной тайгой, вдруг уменьшился до комнаты с закрытым окном, за которой шла неизвестная жизнь.

Дверь открылась. На пороге показалась девушка с ведром тёплой воды. Волосы её были убраны под платок, на обеих ладонях виднелись узкие белые повязки. Увидев открытые глаза больного, она остановилась так резко, что вода качнулась в ведре.

— Устинья...

— Вижу, — сказала женщина. — Проснулся. И уже всё выпрашивает.

Девушка осторожно поставила ведро. Она смотрела на Андрея без улыбки, но с таким вниманием, будто боялась пропустить перемену в его лице.

— Как себя чувствуешь?

— Живой, — ответил он. Хотел произнести это насмешливо, но вышло жалко.

— Это хорошо.

Она сказала просто, без привычного для госпиталей бодрого «поправишься, товарищ». Андрей вдруг понял, что

она не знает, обрадует ли его такое слово. И спросил:

— Ты меня видела раньше?

— В лесу. Когда нашли.

— Значит, вы...

— Втроём были, — сказала она. — Фёдор, Варвара и я.

Он попытался приподнять голову, посмотреть ей в лицо яснее. Девушка поспешно подложила ему свёрнутое полотенце.

— Не надо. У тебя рана.

— А как зовут тебя?

— Дарья.

— Значит, Дарья... — повторил он и осёкся. «Спасибо» показалось слишком коротким словом для того, о чём она рассказала; другое не пришло.

— Потом расскажешь, — сказала она, словно поняла его замешательство. — Сейчас Устинья сердиться будет.

— И правильно, — отозвалась лекарка. — Идите оба со своими разговорами спать. Один в постель, другая хоть на лавку приляг.

Андрей хотел возразить, что в постели лежит не по своей воле. Но веки тяжелели, и голоса у печи уже звучали будто из другого помещения. Прежде чем уснуть, он ещё раз посмотрел на икону. Лик на потемневшей доске был строгим, почти неразличимым в колеблющемся свете. Андрей подумал, что мать держала образ в красном углу и после того, как он смеялся над её молитвами. Эта мысль почему-то рассердила

его. Он отвернулся к стене и снова заснул.

Тихон и Фёдор осматривали дальний подход, когда солнце уже опустилось за гребень. Чужих следов не нашли. На сосне возле ручья, где некогда охотники делали поворот, Тихон состругал старую заросшую засечку. Нож задел кору глубже, чем нужно; брату он ничего не сказал. На сыром склоне под ногами хрустела галька.

— Ему повезло, что за грибами пошли, — сказал Тихон.

— Повезло, — согласился Фёдор.

— А нам?

Фёдор не сразу ответил. Вверху над лесом прошла кедровка, уронив пустую шишку на склон.

— Я его там видел. Ты — нет.

— Это что же значит? Я бы не поднял?

— Не знаю. И не хочу знать.

Тихон с силой отвёл ногой мокрую ветку. За минувшие сутки он перебрал все доводы и почти каждый раз приходил к одному: Фёдор не мог пройти мимо умирающего. Сам он, может, тоже не смог бы. Но почему именно за этой горой, куда столько лет уходили от чужого глаза, должен был оказаться человек с красной звездой?

— Я когда-то тоже приводил чужого, — сказал он вдруг.

Фёдор остановился. Об этом брат прежде не рассказывал.

— В старом селении. Тебе лет двенадцать было. Пришёл человек: лошадь сбилась, просил накормить да указать брод.

Отец дал ему хлеба, на ночь пустил. На другой день появились другие — с бумагой, со списком дворов. Списка мы прежде не видели, а они каждый двор знали. Дядьку тогда увели.

— Это тот, что кузню держал?

— Он. Может, тот путник и ни при чём был. Вот что самое худое: знать нельзя.

Они стояли на тропе, не глядя друг на друга. Фёдор помнил дядю смутно: запах угля и мокрой кожи, сильные руки, которые поднимали его, мальчишку, к конской морде. Он помнил и то, как после исчезновения кузнеца женщины перед сном проверяли дверные засовы. Но между тем человеком и Андреем не было ничего общего, кроме неизвестности.

— Тебе кажется, будто я не думаю о деревне, — произнёс Фёдор.

— А ты думаешь?

— Каждую минуту.

— Так зачем же понёс?

Фёдор присел, вытащил из мокрого мха обломок ветки, покрутил в пальцах.

— Когда мы его на волокушу перекладывали, он закашлялся. На миг глаза открыл. И я подумал: живой ещё. Не знаю, что тебе на это сказать.

Тихон вздохнул, не сердито, а устало.

— Да и мне нечего, — признался он. — Только дозор не

снимай. Пока не узнаем, чей он и кого знает.

— Не снимем.

Они пошли дальше. На обратной дороге Тихон первым заметил свежий обвал земли у ручья и предложил обойти косогор сверху. Фёдор кивнул. Спорить они умели и без того, чтобы переставать слушать друг друга.

К исходу третьего дня Андрей узнал, что почти всё время провёл без сознания — если не считать короткого пробуждения, которое сам помнил плохо. Температура то спадала, то снова поднималась. Устинья меняла повязку и позволяла понемногу пить. Дарья появлялась утром и вечером, иногда с тазом, иногда с чистой рубахой, иногда просто потому, что Марфа посылала принести дрова. Приходила она не одна: мать следила, чтобы девичья забота о незнакомом мужчине не стала поводом для деревенских разговоров.

За это время Андрей начал различать звуки за стеной. Утром петухи кричали нестройно, как пьяные спорщики. После них стучала деревянная колотушка у колодца, слышался гул голосов, потом почти всё стихало: люди расходились по хозяйству. Днём по двору проходили дети, ссорились из-за палки или бегали наперегонки. Вечером глухо бухало полено, сброшенное у сарая, и женщина с тонким голосом звала какую-то Настю домой.

Ни команд, ни строевого шага, ни ругани караульного Андрей не слышал. Это успокаивало, хотя в госпитале его бы

такое спокойствие встревожило: там за больными постоянно следили бойцы, кто-нибудь обязательно разговаривал о войне. Здесь же говорили о капусте, намокшем сене, о корове, которая не давала себя доить. Мир будто не замечал, что в лесах идут бои.

Однажды, когда Устинья вышла за водой, Андрей потянулся к окну, стараясь увидеть больше, чем угол сарая и плетень. За оградой прошла босоногая девочка с полным подолом мелких яблок. Заметив его лицо за стеклом, она остановилась, показала язык и тут же убежала. Андрей невольно улыбнулся, потянулся вслед за ней взглядом и задел больным плечом край подушки.

— Ты что это делаешь? — спросила Устинья, вернувшись.

— Смотрю.

— Смотреть можно и лёжа. Для того глаза и дадены.

Она задвинула ставню ровно настолько, чтобы солнечный свет не бил ему прямо в лицо. Андрей заметил, что на полке у двери стоят две чашки: большая глиняная с выщербленным краем и маленькая деревянная. Воду ему подавали только в деревянной.

— Моя? — спросил он, указав на неё.

— Твоя. Пока здесь лежишь.

— Почему отдельная?

Устинья посмотрела так, будто он спросил, отчего на улице осень.

— Для больного так удобнее. Никто не перепутает, сколь-

ко выпил. Да и у нас свой обычай.

Что за обычай, она не объяснила. Андрей не стал настаивать, но отметил про себя: отдельная посуда, старые иконы, молитвы по утрам. Возможно, монастырь? Нет, вокруг слишком много детей и женских голосов. Скит? Прохор говорил о глухих деревнях, куда люди ушли прятаться от начальства. Неужели одна из них?

К обеду пришла Варвара, та самая пожилая женщина, чьё имя он уже слышал. Она принесла небольшой горшок картофельного супа и хлеб, завернутый в чистое полотно. Устинья проверила, не слишком ли горячее, и велела подождать. Варвара тем временем уселась у порога и разглядывала раненого без всякой неловкости.

— Ну, нашёлся, — сказала она.

— Кто?

— Ты. Вроде уже возвращаешься к людям.

— Мне сказали, вы меня несли.

— И я несла. Только бестолковый ты мужик: такую тяжесть на чужих плечах устроил.

Она говорила грубовато, но глаза у неё были добрые и усталые. Андрей попытался поблагодарить.

— Знаешь, чем отблагодаришь? — перебила Варвара. — Поправишься, а потом ступай тихо. Никого сюда не води.

Он перестал улыбаться.

— Я никого не собираюсь водить.

— Вот и хорошо.

— Вы мне не верите?

— Я тебя первый раз в лесу увидела. Чего ж сразу верить?

— Варвара поднялась. — Ты хлеб-то ешь, пока тёплый.

Оставшись один, Андрей смотрел на отломленный край ломтя. Варвара не притворялась ласковой: она спасла его и одновременно желала, чтобы он поскорее ушёл. Ему было неприятно слышать это, но возразить нечем. Он и сам прежде приглядывался к незнакомцам — по шинели, по речи, по тому, как они держатся у чужого порога. Теперь приглядывались к нему.

Еремей пришёл на четвёртый день после того, как Андрея принесли в поселение. До этого он заглядывал дважды, но раненый или спал, или не мог связать двух слов. Теперь Устинья позволила разговор — недолгий, без крика и без лишних расспросов. Старик вошёл вместе с Фёдором, закрыл за собой дверь и остановился перед иконой. Андрей заметил, что оба перекрестились не так, как привыкла делать его мать: два пальца были соединены иначе, движения шли неторопливо и уверенно.

Еремей был крупным стариком с длинной седой бородой и прямой спиной. На его руках виднелись старые рубцы, такие бывают у людей, всю жизнь державших топор. Когда он сел напротив лежанки, Андрей неожиданно почувствовал себя мальчишкой, которого вызвали отвечать за провинность. Это раздражало. Он собрался, вытянул здоровую руку

поверх одеяла и посмотрел старику в глаза.

— Ну, здоров будь, — сказал Еремей. — Вернее, поправ-
ляйся. Нам сказали, Андрей Лунёв тебя зовут.

— Так и есть.

— Сколько лет?

— Двадцать один.

— Родом откуда?

— Под Спасском жил.

— Давно с отрядом?

Андрей перевёл взгляд на Фёдора. Тот стоял у двери, прислонившись к притолоке, и разглядывал ссадину на собственном большом пальце. С виду не сторожил, однако от двери не отходил.

— А вам зачем знать? — спросил Андрей.

— Ты в наш дом попал с раной от пули. Мы теперь спра-
шиваем не от праздного любопытства. Может, тебя ищут.
Может, за тобой и другие идут.

— Не идут. Я один.

— Откуда знаешь?

— Отбился после перестрелки. Их было... — Он попра-
вился: — Нас было семеро. На просеке попали под огонь.
Кто остался, не знаю.

Он хотел сказать, что Прохора застрелили первым, но сло-
ва застряли. Перед глазами возникла спина старого парти-
зана, который так и не успел обернуться. Невольно Андрей
сжал край одеяла.

Еремей заметил это и не стал расспрашивать о погибших.

— Кого встретили?

— Белых. По голосам и по форме понял. Не успели толком рассмотреть.

— Так ты партизан?

— Да. С красными воюю.

— Я вижу, на чьей стороне. — Старик коротко взглянул на фуражку со звездой, лежавшую на лавке. — Зачем здесь оказался, не знаешь?

— Я ж сказал: заблудился. Два дня, может, три по лесу шёл.

— А дорогу, по которой тебя принесли, помнишь?

— Если б помнил, не спрашивал бы, где нахожусь.

Последний ответ вышел сердитее, чем Андрей хотел. Еремей не обиделся. Он помолчал, потёр колено ладонью.

— Это хорошо, что не помнишь, — сказал он наконец.

Андрей повернулся к нему всем корпусом, забыв о боли.

— В каком смысле хорошо?

— В таком, что мы здесь не каждому показываемся.

— Вы меня боитесь?

— Тебя одного — нет. А кого ты знаешь, кого к себе поведёшь, коли уйдёшь, — того не знаем.

— Я не доносчик.

— Я и не называл.

Еремей не повысил голоса. Андрей ждал упрёка, обвинения, чего-нибудь, с чем удобно было бы спорить. Вместо это-

го старик просто не доверял ему. И Андрей не находил слов, которые должны были изменить такое недоверие.

— Меня домой надо, — сказал он.

— Домой? — переспросил старик.

— К своим. В отряд. — Андрей попробовал приподняться и сразу опустился обратно. — Они ведь не знают, что со мной. Прохор остался на просеке, других я потерял. Один вернётся и скажет, что я убит; другой подумает, что ушёл от боя. Потом доказывай, где был.

— Сначала выживи, — сказал Еремей. — До нижней реки здоровому ходу немало.

— Я не прошу меня нести. Бумагу бы да карандаш. Пусть кто-нибудь передаст, что Лунёв жив.

— Кому передаст? — спросил Еремей. — Ты сам не знаешь, где твой отряд. А незнакомого человека с такой вестью всякий вооружённый остановит и спросит, откуда её взяли. Не гадавай на чужую голову.

— Я здесь, выходит, под стражей?

Фёдор отлепился от двери.

— Под стражей тебя не поят с ложки и рубаху чистую не ищут, — сказал он, прежде чем Еремей успел ответить.

— Я не тебя спрашивал.

— И я не к тебе в гости напрашивался, — отозвался Фёдор. — Это я тебя из лесу вытащил. Хоть бы раз послушал, когда говорят не вставать.

Андрей вскинул голову. Из лесу вытащил? Значит, перед

ним тот самый человек, о котором рассказывала Дарья. Он посмотрел на широкие руки Фёдора, на вытертые до белизны костяшки пальцев, на небольшой разрыв рубахи у плеча. Почему-то эти признаки вчерашнего труда заставили его опустить глаза.

— Не знал, — сказал он негромко.

— Теперь знаешь.

Еремей поднял руку, прекращая разговор.

— Пленником тебя не держим, — сказал Еремей. — Поправишься — будешь решать, куда идти. Но у нас заведено: в чужие дворы без спроса не ходят, оружия без надобности не берут и про дорогу к селению посторонним не рассказывают. Это не ради власти над тобой. Здесь девять дворов. Что одному сходит с рук, за то другим отвечать придётся.

Андрей собирался сказать, что красные воюют не с крестьянами. Но подумал о незнакомом посыльном, которого по его просьбе могут перехватить у реки. Он не мог назвать даже место, где искать товарищей. Впервые собственная просьба показалась ему не такой простой.

— Я в лесу никого искать не собирался, — сказал он наконец. — И к вам не просился.

— Это мы уже поняли. — Еремей поднялся. — Устинья говорит, жар отпускает. Держись за это. О другом после поговорим.

У двери Фёдор задержался и оглянулся. Андрей думал, что тот потребует благодарности или скажет ещё что-нибудь

колкое. Но молодой мужчина спросил только:

— Рука как?

— Болит.

— Плохо бы было, коли вовсе не болела, — сказал Фёдор.
— Значит, чувствует.

Он вышел вслед за Еремеем. Андрей остался один. Разговор ничего не объяснил о том, где он находится и как вернуться. Зато выяснилось другое: человек, который мог оставить его на поляне, сам ходил теперь у его постели и беспокоился о ране. Это было труднее уложить в голове, чем любую тайную деревню.

К вечеру температура снова поднялась. Андрею снилось, что Еремей ведёт его через просеку, а Прохор стоит у дерева с перевязанным плечом и не пускает дальше. Он проснулся с испариной на лбу и услышал голос Дарьи:

— Тише. Это сон.

— Он там остался, — сказал Андрей.

— Кто?

— Прохор. Нас было семеро, а я один...

Он зажмурился. Дарья не стала расспрашивать, только сменила влажное полотенце под его головой. Андрей хотел спросить, отчего она не боится человека, которого её отец так осторожно расспрашивал. Но жар снова поднялся, и слова остались невысказанными.

Когда жар наконец начал отступать, Андрей заметил, что у

него появился распорядок. Устинья приходила с рассветом, Дарья ближе к обеду, Варвара — когда находила повод, не требующий особого приглашения. Один раз принесла нитки и латала у окна грубую мужскую рубашу, другой уселась перебирать сушёную рябину, третий пришла лишь за тем, чтобы сказать, что его сапог совсем плох и, если он надеется в нём куда-нибудь идти, придётся искать новую подошву.

— Я сам почию, — сказал Андрей.

— Сам, сам. Сначала ложку в руке держать научись.

— Я в мастерской работал. Не только сапоги чинил.

— Вот как? А я думала, у вас только из ружей палить умеют.

Он хотел обидеться, но Варвара прищурилась так хитро, что спорить не получилось. Она достала из кармана кусок толстой кожи, обмерила им его сапог и убрала обратно.

— Не выбрасывай обувь. Мужики потом разглядят.

Андрей посмотрел на сапог у стены. Даже его чинить придётся не самому.

С Дарьей разговаривать было легче, хотя она тоже не терпела его упрямства. Однажды он попробовал самостоятельно повернуться на правый бок, чтобы встать с лежанки. Она заметила свежую кровь на повязке и рассердилась.

— Ты зачем это сделал?

— Надоело лежать.

— Оттого рана быстрее не зарастёт.

— Я и так тут пятый день, как колода.

— Шестой, — поправила Дарья. — И колода, между прочим, не спорит, когда ей помогают.

Он засмеялся, тут же поморщился от боли и с досадой отвернулся.

— Не смейся, раз больно, — сказала она, но на губах у неё мелькнула улыбка.

С Дарьей было легче молчать. Она приносила воду, складывала полотенца, выносила золу и не требовала, чтобы он непременно благодарил её за каждую мелочь. Только когда Андрей принимался делать вид, будто уже здоров, она сразу переставала с ним церемониться. Ему это нравилось меньше, чем её молчание, но помогало больше.

Однажды он заметил на подоконнике книгу в тёмном переплёте. Дарья положила её туда, когда пришла менять воду, и, занявшись повязкой, забыла забрать.

— Твоя? — спросил он.

— Моя.

— Читать умеешь?

Она подняла на него глаза.

— А что, это удивительно?

— Нет. Я не то хотел сказать.

— У нас многие читают. Отец учил, потом Варвара с Устиньей. Ты умеешь?

— Умею. По газетам больше, по листовкам.

Дарья осторожно повернула книгу корешком к нему. На старой обложке почти стёрлись буквы.

— Это не для забавы, — сказала она. — Псалтирь. От сырости листы повело, я выпрямляла.

Андрей посмотрел на сложные строки, на затейливые красные буквицы, не похожие на ровный газетный набор. Так читала мать в детстве, только у них книга была поменьше, без красивого переплёта. Он привык считать подобные вещи знаком прошлого, которому предстоит уступить дорогу новой жизни. Но Дарья бережно провела пальцем по углу страницы так, как он сам погладил бы письмо товарища.

— Ты всё это понимаешь? — спросил он.

— Не всё. А ты все свои газеты понимаешь?

Вопрос рассмешил его против воли.

— В газетах по-русски пишут.

— Здесь тоже не на китайском. Просто слова старые. Отец объясняет, если спросить.

Она закрыла книгу, подула на обрез, чтобы смахнуть крошку сухой бумаги, и собралась уходить. Андрей задержал её:

— А кто ваш отец? То есть я знаю, что Еремей. Но он вам за старосту или за священника?

Дарья остановилась.

— Священника у нас нет.

— Тогда кто молитву ведёт?

— Отец. Он наставник. А общие дела вместе решают, хоть к нему чаще и прислушиваются.

— Почему нет священника?

Она посмотрела на него внимательнее. До сих пор его вопросы касались раны, еды, дороги. Теперь он впервые спрашивал не о себе.

— Мы старой веры, — сказала она. — Наши дедушки и прадедушки так молились. И нам велели.

Андрей почувствовал, как внутри что-то насторожилось.

— Староверы?

— Да. Кто как зовёт.

Он услышал это слово так отчётливо, будто кто-то произнёс его над ухом в пустом классе. Староверы. Из газет, из разговоров на партийных собраниях, из ругани попутчиков он знал о них немало — или думал, что знает. Упрямые, отсталые, бегут от школ, прячут богатства, за белых держатся, потому что боятся новой власти. Теперь эти люди окружали его изо дня в день, мыли кровавые повязки и приносили хлеб. Он посмотрел на Дарью, но не нашёл в её лице ни злобы, ни тайного расчёта. Она ждала ответа так спокойно, словно сказала, что они выращивают рожь.

— А вы, значит, от всего нового сторонитесь? — спросил он.

— От какого нового?

— От той жизни, что теперь в стране начинается.

— Слыхали мы, — сказала она. — Только к нам новизна больше с винтовками приходит. А с чем хорошим, не всякий доходит.

Это было сказано без насмешки. Андрей хотел возразить

— не винтовки одни у красных, есть школы, земля, работа, право не кланяться хозяевам. Но Дарья продолжила:

— Ты не сердись. Я ведь сама дальше нижней реки не бывала. Может, там и правда всё по-другому. Расскажешь, когда лучше станет.

Дарья взяла книгу и вышла.

После разговора с Дарьей Андрей стал замечать молитвы в начале каждого дела. Устинья крестилась перед работой у лежанки, Варвара шептала слова над хлебом. Даже Фёдор, заноса дрова, задерживал взгляд на иконах.

Сам Андрей в детстве ходил с матерью в церковь. Помнил тяжёлый запах воска, тесноту у дверей, бороду старого священника, который раздражался, если мальчишки начинали шептаться. Позднее, когда отец умер и мать осталась одна с двумя худыми коровами, Андрей всё реже понимал, зачем ей молиться. Вспоминал, как за недоимку приходили люди от волостного начальства и уводили последнюю корову, а мать после их ухода становилась перед образами на колени. Ему тогда хотелось не молиться, а бежать за конвоем и схватить кого-нибудь за ворот. Он уже с малолетства знал вкус бессилия.

Когда в городе появились люди, говорившие, что больше никто не станет отнимать чужой труд, Андрей слушал их так, будто наконец услышал ответ на свои детские вопросы. Они спорили резко, горячо, нередко сами не знали, как устроить

обещанную жизнь. Но они хотя бы говорили о том, что мир можно изменить собственными руками, а не терпеть, пока тебе не велят быть покорным. Андрей поверил — не потому, что кто-то приказал, а потому, что очень хотел, чтобы мать больше никогда не стояла беспомощно у двери хлева.

Теперь над его постелью висели иконы. Под ними молодая девушка без жалоб стирала испачканное им полотно, а пожилая женщина отмеряла воду, чтобы он не захлебнулся. На дворе смеялись дети. Если он начнёт объяснять этим людям, что их вера есть пережиток старого мира, что они ответят? Попросят вернуть хлеб, которым кормили его неделю? Нет, Андрей почему-то был уверен, что не попросят. Оттого становилось только труднее.

В тот день к нему впервые впустили Митю. Мальчик пробрался в малую избу не через дверь с улицы, а из общих сеней, где Марфа оставляла ведра. Он остановился на пороге, выставив вперёд тонкие, загорелые колени.

— А ты правда солдат?

Андрей приподнялся на локте здоровой руки.

— Партизан.

— Это как солдат, только без начальника?

— Смотря какой отряд. У нас начальник есть.

— А винтовка где?

— Потерял.

Митя разочарованно засопел.

— А стрелять умеешь?

— Умею. Ты зачем пришёл, спрашивать или пугаться?

— Я не боюсь. Тихон сказал, к тебе без взрослых не ходить. А мне интересно.

— Раз сказал, слушайся.

— Ты сам-то всегда слушался?

Андрей усмехнулся, потом вспомнил, что его спрашивает ребёнок, и ответил:

— Нет. Не всегда.

Митя тут же шагнул ближе. В руках у него была тонкая пружинящая палка с привязанной на конце бечёвкой.

— Это удочка. Только рыба с неё сходит. Фёдор говорит, узел плохой. Покажешь, как сделать?

— Я сейчас одной рукой могу.

— Одной и покажи.

Андрей взял бечёвку, попробовал завязать простой узел и с досадой обнаружил, что пальцы плохо слушаются. Митя терпеливо держал другой конец, морщил нос, поправлял палку. Узел получился с третьей попытки.

— Держаться будет? — спросил мальчик.

— Должен. Только бечёвка у тебя гнилая. Менять надо.

Митя уважительно провёл пальцем по узлу, словно Андрей сумел выковать для него железный крючок.

— А у вас в отряде все так умеют?

— Какие ещё узлы! — раздался у двери голос Марфы. — Митя, я тебя куда посылала?

Мальчик вздрогнул.

— За водой.

— Так вода сама придёт, если здесь сидеть будешь?

Он поспешно схватил удочку и юркнул мимо матери. Марфа задержалась у порога.

— Прости. Пристал, поди, со своими расспросами.

— Ничего, — сказал Андрей. — Пусть приходит, если не мешаю.

— Ты сначала выздоровей. Он и здорового человека за день извести может.

Марфа пошла вслед за сыном.

Ближе к вечеру возле окна остановились Фёдор и Дарья. Она держала в руках связку сухих трав, он нёс короткое бревно. Говорили они негромко, и Андрей разобрал не всё.

— Крышу на сушильне до дождей успеть надо, — говорил Фёдор.

— Ты вчера обещал помочь отцу с оградой.

— После обеда приду. Если Тихон опять в лес не потащит.

— Он не со зла.

— Знаю.

Они засмеялись коротко, понимая друг друга с полуслова. Андрей почувствовал невольную зависть. У этих двоих оставались крыша сушильни, ограда, завтрашняя работа. У него за горами оставался отряд, в котором, возможно, уже вычеркнули его из живых. И никто здесь не мог назвать даже направление, в котором следовало искать своих.

Андрей сдвинул ноги к краю лежанки и попробовал сесть.

Казалось бы, всего-то несколько шагов до порога. Но пол качнулся, перед глазами потемнело, плечо свело такой болью, что он выругался. Сесть удалось лишь наполовину; обратно лечь самому он уже не мог.

Дверь открылась. На пороге стоял Фёдор.

— Ты куда?

— Ноги проверить.

— Проверил?

— Не твоё дело.

Фёдор поставил бревно у стены, подошёл и придержал его за здоровую руку. Андрей дёрнулся, но удержаться без помощи уже не мог. Вместе они опустились на край лежанки. Несколько мгновений Андрей сидел, тяжело дыша и глядя себе под ноги.

— Ты что, нарочно? — спросил он.

— Что нарочно?

— Сторожишь меня.

Фёдор удивился так искренне, что Андрей почувствовал, как глупо прозвучал вопрос.

— Я сушильню чиню, — сказал Фёдор. — Топор там, бревно. А ты мне опять на руки свалишься, коли дальше полезешь.

— Значит, ты обо мне заботишься?

— Чего доброго, придётся. Второй раз с косогора тащить не хочу.

Андрей усмехнулся, хотя сердиться ещё не перестал. Фё-

дор помог ему лечь, поправил подушки и ощупал деревянную перекладину у кровати: та рассохлась и шаталась.

— Завтра закреплю, — сказал он.

— Лучше расскажи, где вы находитесь.

— В Тихом Логу. Тебе уже говорили.

— Это я знаю. На карте его нет. Куда отсюда река течёт?

— Вниз.

— Очень смешно.

— Не смеюсь. У неё свои повороты, у людей — свои дороги.

— Далеко до Спасска?

Фёдор задержал руку на перекладине. Ему не хотелось отвечать не потому, что расстояние представляло собой особую тайну. Он понимал: одно дело назвать чужаку город, другое — дать ему цепочку примет, по которым он сложит дорогу к поселению.

— Далеко, — сказал он. — Сейчас для тебя дальше, чем пешком пройдёшь.

— А кто вас заставляет здесь прятаться?

— Никто сейчас не заставляет. Живём. Ты же городских не спрашиваешь, зачем они в городе селятся.

— В городе дороги есть. И люди не боятся разговаривать с чужими.

Фёдор поднял глаза.

— Ты, Андрей, пока ещё не заметил, как с тобой разговаривают?

— Заметил.

— Так что же тебе мало?

На это ответа не было. Фёдор взял бревно, но у двери обернулся:

— Ещё раз без Устиньи поднимешься — она мне голову снимет. Не тебе, мне. Скажет, недоглядел.

— Ты всегда её слушаешь?

— Когда про раны говорит — всегда.

Когда Фёдор ушёл, Андрей долго смотрел на дверь. Тот не выспрашивал ни имён командиров, ни мест стоянок — только не хотел объяснять, как добраться до деревни. Если бы перед Андреем оказался чужой, расспрашивающий о партизанской тропе, он тоже не стал бы показывать дорогу. Понимать это было особенно досадно.

На восьмой день Еремей пришёл после вечерней молитвы. Андрей сидел, опираясь спиной на подушки: Устинья позволяла ему несколько минут сидеть, если не кружится голова. На одеяле лежал листок, который Марфа дала ему по просьбе из Митиной тетради. Андрей попробовал написать здоровой левой рукой всего два слова — «Лунёв жив», но буквы разъехались, и записка осталась незаконченной. Он не убрал её, когда вошёл старик.

Еремей принёс свою табуретку и поставил возле стены.

— Как плечо?

— Терпимо.

— Устинья говорит, ночью жар был меньше.

— Она лучше знает.

Старик кивнул, будто такой ответ его устраивал. Некоторое время оба молчали. За стеной Марфа раздавала ужин, звякала посуда, Митя просил добавки. Андрей уже привык к этим звукам; теперь без них изба казалась бы пустой.

— Дарья сказала, узнал ты, кто мы, — произнёс Еремей.

— Узнал.

— Что же думаешь?

Андрей не сразу ответил. В газете ему хватило бы нескольких слов: глухая община, держится старых порядков. Но ни одно не объясняло, почему Варвара чинила ему сапог, а Фёдор, сердясь, всё равно подставлял плечо. Он отвёл взгляд от незаконченной записки.

— Думаю, зачем вам так жить, — сказал он.

— Как?

— В лесу, вдали от других. Ни дорог, ни школы настоящей. Всё по старым книгам. Будто страна вокруг не меняется.

Еремей выслушал, не перебивая.

— А у тебя страна меняется? — спросил он.

— Меняется. Мы за это воюем.

— За что именно?

Андрей почувствовал, как к лицу приливает жар — уже не лихорадочный. Объяснять, ради чего он ушёл в лес с оружием, было легче, чем отвечать, отчего эти люди должны ве-

рить ему на слово.

— За то, чтоб люди сами распоряжались своей землёй. Чтоб никто больше не жил за счёт чужой спины. Чтоб учиться могли не одни богатые. Вы ведь всё по-своему ведёте и думаете, что остальным тоже так надо.

— Я про остальных не говорил, — заметил Еремей.

— Ну, ваши-то здесь от всего отгородились.

Старик посмотрел в сторону окна.

— Я сюда людей не силой привёл. Самой первой зимой половина могла уйти, если б захотела. Дорога была, хоть плохая. Остались.

— Потому что боялись.

— Боялись, — согласился Еремей. — И работать хотели на своей земле. Ты сам об этом только что говорил.

Андрей помолчал: старик только что повторил его собственные слова.

— Но всё равно ведь вы не признаёте того, что делается, — сказал Андрей.

— Что делается? На нижней реке отряд прошёл — лошадей забрал. Другой прошёл — тоже забрал. А мне корову кормить чем? Ты приходишь и говоришь: новая жизнь. Пусть будет новая. Только не спрашивай, отчего я сначала за детей беспокоюсь.

— Красные не за тем воюют, чтобы коров отбирать.

— Верю, что ты не за тем пошёл. А каждый ли, кто с тобой идёт, так думает?

Андрей вспомнил зимний обход, когда молодой боец отобрал у хозяйки меховые рукавицы: «Всё равно буржуйские». Он тогда одобрил приказ вернуть вещь, но не заметил, что женщина не решалась протянуть руку за своим. Позднее у того же двора собирались взять мешок муки для отряда. Прохор распорядился оставить семье половину, потому что в избе лежал больной ребёнок. Андрей спорил: у людей впереди тоже был голод. Прохор ответил, что голод не исчезает, если переложить его на чужую печь. Тогда Андрей счёл его слишком мягким. Теперь он вспомнил и мешок, и женщину с рукавицами.

— Бывают такие, — признал он нехотя. — Но это не значит, что наше дело плохое.

— Я и не говорил, что плохое. Сам ещё не разобрался. — Еремей немного помолчал. — Мне важнее, что ты делать будешь, когда поправишься.

— Вернусь к отряду. Но до этого мне надо дать знать, что я жив.

Еремей заметил на одеяле листок. Андрей провёл по неровным буквам здоровой рукой.

— Сам написал. Не прошу объяснять, где я. Пусть кто-нибудь передаст своим, как случай выпадет.

— А если человек с этой бумажкой не к твоим попадёт? — спросил Еремей. — Если его самого начнут пытаться, откуда взял письмо?

Андрей хотел ответить, что имя его никто не станет разыс-

кивать в такой глуши. Но сам же помнил людей, которых задерживали за чужие записки. Он сложил лист так, чтобы буквы не были видны.

— Значит, и весть передать нельзя?

— Я не сказал «нельзя». Я говорю: сегодня не знаю, как сделать, чтоб за двумя твоими словами не пришло десять человек с винтовками. А чужую жизнь за твою тревогу закладывать не стану.

— Понятно. А о нас что скажешь?

— Если спросят, скажу, что добрые люди помогли.

— Люди добрые, говоришь. Имя деревни назовёшь?

Андрей посмотрел на Еремея. Теперь речь шла не о справедливости и не о вере. Старик спрашивал о том, что Андрей сделает, когда снова сможет держать оружие.

— Вы хотите, чтоб я соврал своим?

— Хочу, чтоб нам после твоего ухода не пришлось бросать дома.

— Но мои товарищи не враги вам.

— Не знаю. Ты их знаешь — я нет. Точно так же, как неделю назад ты нас не знал.

Андрей хотел поручиться за товарищей, за каждого, с кем делил костёр и сухари. Но у отряда мог оказаться новый командир; неизвестно даже, кто пережил перестрелку. За самого себя он поручиться мог, за незнакомых людей — нет.

— Я не собираюсь вести сюда солдат, — сказал он наконец. — Но домой я всё равно пойду.

— Пойдёшь, — ответил Еремей. — Коли сил наберёшься. Мы тебя не покупали этим хлебом.

Эти слова задели Андрея сильнее, чем упрёк. Здесь никто не требовал платы за спасение. Оттого и собственное обещание, сказанное лишь бы отвязались, показалось бы мелким.

Еремей поднялся и переставил табуретку к стене.

— Отдыхай. Завтра Устинья опять придёт. Не спорь с ней, коли жить хочешь.

У двери Андрей окликнул старика:

— А вы сами верите, что нас не найти?

Еремей остановился.

— Если б верил совсем, не ставил бы дозор.

Еремей ушёл, оставив дверь неплотно прикрытой.

Оставшись один, Андрей расправил на коленях листок. «Лунёв жив» — только это он сумел написать левой рукой. Откуда взялась эта жизнь и где она продолжается, он не мог объяснить, не подвергая опасности чужой дом. Он сложил бумагу вчетверо и сунул под подушку. Ночью долго не спал: в окне дрожал огонёк лампы, а за стеной ветер трогал ставни.

Утром Дарья принесла ему хлеб и миску жидкой каши. На ладони у неё уже сняли одну повязку, но тонкая красная полоска оставалась заметна у основания большого пальца. Андрей увидел её и вспомнил, как больно бывает от натёртой верёвкой кожи.

— Это из-за меня? — спросил он.

— Что?

— Рука.

Дарья невольно спрятала ладонь в складке передника.

— От носилок. Заживёт.

— А у тебя ещё работа каждый день. Я бы на твоём месте злился.

— Ты и так за двоих злишься, — ответила она. — Хватит.

Он не сумел удержаться от улыбки. Дарья поставила кашу на лавку, проверила, насколько остыли края миски, и подвинула ближе. Андрей взял ложку здоровой рукой. Есть хотелось сильно, но он двигал ею медленно. С тех пор как прошёл жар, голод возвращался упрямо, с каждым днём всё сильнее. Ломоть хлеба лежал рядом, корка ещё была тёплой.

— Дарья, — сказал он, прежде чем она вышла.

Она остановилась.

— Спасибо.

— За кашу?

— За всё.

Она посмотрела на его руку с ложкой, на пустую чашку, на одеяло, которое всё время сползало с левого плеча. И только после этого ответила:

— Ты сначала ешь. Остальное потом.

Дверь закрылась. Андрей отломил корку и вспомнил, как мальчишкой съел не свой ломоть хлеба, оставленный на лавке у соседей. Он долго ждал, что его пристыдят, а мать сказала: «Коли дали — поблагодари. А коли сам взял — попро-

си прощения». Теперь он ел не свой хлеб, но и назвать себя непрошеным гостем было бы неправдой.

За окном Фёдор окликнул Митю и велел принести из сарая доски. Мальчик принялся спорить, что доски тяжелее его самого; Фёдор засмеялся и велел носить по одной. Потом застучал топор. Андрей прислушивался к голосам и старался представить, где за огородами кончается долина. Но из окна видел лишь узкую полосу неба да дальний склон.

Он подумал о товарищах. Если кто-нибудь вернулся с просеки, что тот расскажет? Андрей бежал в чащу — это видели. А дальше его след оборвался. В штабе могли записать «пропал», а могли спросить, не ушёл ли он нарочно. Он представил чужую руку с карандашом над своей фамилией и вдруг ощутил почти физическую потребность встать и пойти, хотя бы до порога. Мать тоже ждала письма, не зная, где он.

К обеду пришла Устинья. Снова перевязала плечо, потрогала лоб, заставила его согнуть пальцы правой руки настолько, насколько позволяла боль. Андрей стиснул зубы, но выполнил всё, что она сказала. Старуха одобрительно хмыкнула.

— Ну вот. А боялся, что рука вовсе пропала.

— Не боялся, — ответил он.

— Ещё как. По глазам видела.

Он опустил взгляд. С Устиньей спорить было особенно трудно: Еремей спрашивал, что Андрей сделает потом, а она

каждый день видела, на что он способен сейчас.

— Когда я смогу уйти? — спросил он.

— Когда без меня до порога доберёшься, тогда и спросишь ещё раз. Рана у тебя не шитая, сама должна стянуться. Не погуби того, что за эти дни зажило.

— Вы мне дороги не показываете.

— Я врачую, не провожаю. За дорогой к Еремею. Он про тропы больше меня знает, только сейчас и он тебе не поможет.

Устинья ушла, оставив дверь приоткрытой. В сенях пахло свежими щепками: Фёдор чинил расшатанный порог. Андрей слышал тяжёлый стук инструмента, короткие голоса за дверью, а под подушкой пальцами нащупывал сложенный листок. За все эти дни он не сумел передать своим даже двух слов.

Он посмотрел в красный угол. Перед потемневшей иконой дрожал огонёк. В другой день Андрей назвал бы всё это отсталостью и принялся доказывать свою правоту. Теперь он знал, кто ставит лампаду, кто приносит воду, кто чинит его сапог. Но сказать товарищам всю правду о приютивших его людях он пока не решился бы. И скрыть эту правду казалось нечестным.

За дверью Дарья спросила у Фёдора, долго ли ещё будет стучать топор. Тот ответил, что пока порог не перестанет шататься. Она попросила его работать потише: в малой избе больной. Удары сразу сделались реже.

Андрей отодвинул миску. Он вернётся к своим, узнает про Прохора, напишет матери. Но прежде придётся научиться заново одеваться, поднимать руку, проходить от лежанки до двери. Его люди где-то жили без него, с каждым утром всё дальше от дня той перестрелки.

Андрей закрыл глаза и поймал себя на том, что считает удары, как в лесу считал до сотни. Тогда он боялся не дойти до людей. Теперь боялся, что, когда наконец дойдёт до своих, ему не поверят.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. НЕ НАШИ ЛЮДИ

На десятое утро Андрей Лунёв добрался до порога.

Это случилось не сразу. Сперва он долго сидел на лежанке, опустив ноги в чужие шерстяные чулки. Пол был прохладный, и ступни, привыкшие за эти дни к одеялу, зябли. Андрей смотрел на дверную щель, на светлую полоску поперёк половиц и прислушивался к тому, как кто-то за стеной точит железо. Там жили обычной жизнью, не считая каждый его вздох. Это сердило и облегчало одновременно.

Под подушкой лежал сложенный вчетверо листок. На нём кривыми буквами было написано: «Лунёв жив». Вчера Андрей ещё раз развернул бумагу и попытался добавить, где находится, но так и не придумал, что можно написать, не выдав чужого убежища. Тогда он перевернул лист чистой стороной вверх и снова спрятал. От одной мысли, что его фамилию уже могли вычеркнуть из списков, хотелось встать и идти, куда глаза глядят. А стоило ногам коснуться пола, тело напоминало, что встать — ещё не значит дойти.

Он ухватился левой рукой за край лежанки. Правую держал прижатой к боку: повязка натягивала кожу под рубашкой, и всякое неловкое движение отзывалось глубокой, тяжёлой болью. Андрей поднялся, постоял, пока перестали плыть

брёвна стен, потом сделал один шаг. Второй дался легче. На третьем под коленями задрожало, и он остановился, с досадой глядя на свои ноги. В лесу он бредил через горы с простреленным плечом. Теперь не мог пройти и пяти шагов по ровному полу.

— Я ведь сказала, без меня не вставать.

Устинья стояла в дверях, прижимая локтем узел чистого полотна. Андрей не слышал, как она вошла из сеней.

— Я только к порогу.

— А порог куда от тебя убежит?

— Надоело лежать.

— Это я уже слышала. Держись за стену, коли упрямый.

Она поставила узел на лавку, подошла и, не спрашивая разрешения, подхватила его под здоровый локоть. Андрей хотел сказать, что справится сам, но на языке уже вертелись те же слова, которые он повторял всякому, кто оказывался рядом. Он промолчал. Устинья заметила это и тоже ничего не сказала.

До двери они дошли медленно. Андрею казалось, будто он толкает перед собой тяжёлую телегу. На пороге пахло сырой землёй, дымом и яблоками, которые сушились на решётке под навесом. Устинья приоткрыла наружную дверь ровно настолько, чтобы он увидел часть двора.

— Дальше сегодня не пойдёшь.

— Как будто я собрался бежать.

— Ты-то собрался. Ноги твои ещё нет.

Во дворе Митя, насупившись, таскал из сарая короткие доски. Возле колоды стояла корова Морошка и, пока мальчик отворачивался, тянула морду к его рукавице, оставленной на ограде. Марфа вынесла таз с бельём, поставила его на скамью и окликнула сына. Митя ответил так невнятно, что мать велела повторить. За низким плетнём кто-то громко спорил о сыром сене. Андрей прислушался: ни одного слова о войне.

— У вас всегда так тихо? — спросил он.

Устинья посмотрела через его плечо на Митю, который уже гнался за собственной рукавицей.

— Это ты тихого ещё не слышал.

Андрей усмехнулся. Но когда он обернулся к своей лежанке, дверь вдруг оказалась дальше, чем минуту назад. Устинья без разговоров довела его обратно. Он лёг и долго дышал с закрытыми глазами. Снаружи слышались привычные голоса, а сердце билось так сильно, будто он успел обежать весь двор.

Позже пришёл Еремей. Не для расспросов: принёс узкую деревянную палку, гладко обструганную, с петлёй у верхнего конца. Палку он поставил у лежанки.

— Фёдор сделал. Когда Устинья разрешит, с ней по двору походишь. Одной рукой придерживаться удобно.

— Благодарю, — сказал Андрей. — Я недолго ещё здесь задержусь.

— Про то с Устиньей договаривайся. Я у неё больных не

отнимаю.

Еремей уже направился к двери, когда Андрей спросил:
— А если я встану, вы мне дорогу покажете?

Старик остановился, но не обернулся сразу.

— Сначала научись стоять, не бледнея. Про дорогу после поговорим.

Ни обещания, ни отказа. Андрей проводил его взглядом и снова нащупал под подушкой записку. Он не собирался привыкать к этой избе. Только деревня, кажется, уже привыкала к нему.

За два дня Андрей изучил двор лучше, чем собственное новое тело. Он знал, в какое время Марфа выносит хлеб из печи, когда Митя возвращается с речки и в котором часу Фёдор проходит мимо окна с топором на плече. Иногда удавалось сидеть на пороге, укутавшись в старую безрукавку. Если голова начинала кружиться, Дарья велела возвращаться. Он сердился на её спокойную настойчивость, но всё чаще исполнял сказанное с первого раза.

В первое утро на крыльце ему показалось, что деревня совсем мала. Девять дворов, несколько амбаров, огороды, тёмная полоса леса над крышами. Потом он начал различать то, что из окна сливалось в одно: чьи-то аккуратно огороженные гряды, кособокую баню с крышей из дранки, сушильню на высоких подпорках, мостки через речку, за которыми начиналась тропа к покосам. Ни повозочной дороги, ни открыто-

го просвета между горами не было видно. Даже солнце появлялось над селением не сразу: сперва золотило вершины, потом спускалось по склонам, и только после этого освещало дворы.

— Девять домов, — произнёс Андрей однажды. — А буд-то у вас каждый за своим забором целое хозяйство держит.

Марфа, услышав его, опустила на скамью корзину с бельём.

— А как же. Зимой забор не накормит. Надо в каждом дворе и зерно, и картошку, и дрова считать.

— Почему вместе не работаете?

— Вместе и работаем, где надо. Сенокос сообща убирали, мост чинили. Но если у Павла куры в огород полезут, он сам за ними и побежит. Ты хочешь, чтоб вся деревня его кур стерегла?

Андрей спросил не из насмешки. Ему хотелось понять, как живут без сельсовета и продовольственного комитета. Марфа же говорила о курах так серьёзно, что продолжить разговор о власти было трудно.

— А кто решает, сколько кому земли?

— Землю здесь поначалу расчищали сами. Кому какая полоска досталась, межей отметили. Еремей за тем смотрел, чтоб никто другого не теснил. А когда не сходятся, собираются дворами.

— И все слушают Еремея?

Марфа усмехнулась без веселья.

— Послушал бы ты иной раз, как его слушают.

Марфа подняла корзину и ушла. Андрей остался на пороге. Он ожидал от этой деревни строгого послушания, а услышал, что даже самого Еремея не всегда слушают.

После полудня пришла Дарья. У неё на руке осталась лишь тонкая розовая полоска от натёртого ремня. В первый раз Андрей не спросил, болит ли. Он понял, что она устала от его извинений.

— Хочешь посмотреть на деревню? — спросила она.

Он поднял голову слишком быстро.

— Покажешь?

— До колодца и обратно. Устинья разрешила. Только без гонки, а то опять всех перепугаешь.

— Я не ребёнок.

— Тогда и не спорь, как Митя.

Она подала ему палку и подождала, пока он сам опустит ноги на землю. Андрей взял опору левой рукой, выпрямился. Дверь малой избы осталась за спиной, и от этого простого обстоятельства он почувствовал себя свободнее, чем должен был. Ветер прошёл по лицу; где-то над огородами закричала сойка. Дальше колодца они не пошли, но этот путь запомнился ему лучше всех троп, по которым он бродил в беспмятстве.

У соседнего двора старик обтёсывал тонкую доску. Седые волосы у него торчали из-под шапки, стружка падала к ногам ровными завитками. Завидев Дарью, он кивнул, потом

оглядел Андрея от повязки до чужих чулок.

— Этот, значит, наш лесной находыш?

— Андрей Лунёв, — ответила Дарья. — А это Семён. У него руки золотые, только сам про то не скажет.

— Пускай у меня руки деревянные, — проворчал старик.

— Золото в земле лежит, толку от него здесь мало. Ты, парень, плотничал когда?

— В мастерской работал. Больше по железу.

— Вот и не трогай пока мои доски. Я их и сам испорчу, коли захочу.

Он снова взялся за рубанок. Андрей заметил, что доска у него сложная: одна кромка чуть повело от сырости, но старик выравнивал её неторопливо, снимая с дерева почти прозрачную стружку. Тут не было ни показного мастерства, ни желания удивить. Человек делал работу, которую умел лучше всего. Андрей вдруг вспомнил запах кузнечной мастерской под Спасском, тиски у окна и тихое постукивание напильника по шляпке заклёпки. От этого воспоминания боль в плече стала особенно досадной.

У колодца Дарья велела остановиться. Андрей, опираясь на палку, смотрел на селение и искал глазами что-нибудь похожее на выход. За огородами тропы расползались между кустами, потом исчезали под деревьями. Дальний склон казался сплошной стеной. Он попробовал запомнить, откуда дует ветер и куда уходит речка, но холмы ломали направление, а вода, скрытая ивняком, поворачивала прежде, чем её можно

было проследить.

— Не ищи, — сказала Дарья.

— Чего?

— Дорогу. Ты всё время в одну сторону смотришь.

— Ты тоже смотрела бы, если бы не знала, где дом.

Она смягчилась.

— Наверное. Только я дальше нижней реки не бывала.

Мне и без того иной раз хочется узнать, что за сопкой.

Андрей удивился.

— Так уйди, посмотри.

— И корову пусть Митя доит? А мать в одиночку с печью справляется? — Дарья сказала это с улыбкой, но потом добавила: — Не всякая дорога начинается, когда захотелось.

Андрей промолчал. Ему никогда не приходило в голову, что человек может мечтать о дороге и всё-таки оставаться дома по собственному решению.

Вечером Андрей услышал с улицы громкие голоса. Обычно, когда жители собирались у дома Еремея, разговор до малой избы доходил ровным гулом. На этот раз кто-то кричал так, что Марфа в сенях остановилась с охапкой дров.

— Снова за мост взялись, — сказала она с досадой.

— Что с мостом?

— То, что без досок он сам себя не починит. Лежи, не твоё дело.

Андрей узнал в её тоне знакомую просьбу не вмешивать-

ся. Однако крыльцо находилось всего в нескольких шагах. Он поднялся, взял палку и осторожно вышел.

У плетня стояли Савелий и Павел, те самые мужчины, которые помогали нести его из леса. Савелий, сухой, жилистый, с длинными руками, держал под мышкой обломок сырой жерди. Павел был коренастее, с рыжей, уже начинавшей сесть бородой. Рядом стоял Семён и смотрел на обломок так, словно в нём сосредоточились все несчастья нынешней осени.

— Ты обещал два сухих бруса, — говорил Савелий. — Еремей при всех слышал.

— Я обещал, пока у меня стену не повело, — отвечал Павел. — Крыша съедет — ты мне детей под свой кров возмёшь?

— А если мост провалится, как с сеном проедем? На спинах понесём?

— Сено уже в стогах. До зимы мост постоит.

— Ты это мосту скажи.

Семён молча перевернул сломанную жердь и показал гнилую сердцевину.

— Не постоит, — сказал он. — Не на таких подпорках.

Андрей понял лишь часть спора. По дороге к дальнему сенокосу через речку лежали мостки — достаточно широкие для лошади с лёгкой телегой. После дождей подмыло опору, и доски расходились под ногами. Павел обещал два сухих бруса, но теперь берег их для покосившейся стены своего

дома.

— Надо собрать всех, — сказал Павел. — Пускай решают.

— Соберём, — ответил Савелий. — Только за ночь вода опору не выправит.

Увидев Андрея, они замолчали. Савелий кивнул, Павел отвернулся. Андрей неловко остановился у крыльца: мужчины спорили о деле, которого он ещё даже не видел толком. А помочь не мог — пока сил хватало лишь на несколько шагов.

— Ты чего вышел? — спросил Семён. — Устинья тебя ищет.

— Слышу, разговаривают.

— Здесь все разговаривают, — буркнул старик. — Оттого и шум стоит.

Андрей вернулся в избу. Досаднее всего было то, что Савелий и Павел оба говорили дело: один боялся провалиться с телегой в речку, другой — зимовать под худой крышей.

На другое утро Семён пришёл в малую избу за железной скобой. Скобу будто бы оставили здесь ещё прошлой зимой, когда переставляли лежанку. Старик заглянул под лавку, обшарил полку возле двери, наконец выудил скобу из-под пустого ящика и уже собирался уходить, когда Андрей спросил:

— Что, мост будете скреплять?

— Если найду чем.

— Одной скобой опору не удержишь. Сырой брус расколет.

Семён обернулся. Вчера он разговаривал с раненым снисходительно, как с мальчишкой, которому впервые показали стамеску. Теперь прищурился.

— А ты видел наш мост?

— Издалека. Но гнилую жердь Савелий вчера принёс. Я на такой в мастерской один раз ступицу ставил. Только хуже вышло.

— Мост не ступица.

— Знаю. Там нагрузка другая. Если стянуть гнилое железом, середина всё равно подломится. Лучше подложить второй короткий упор, а скобу пустить сверху, чтоб брус не уходил в сторону. Хоть на время.

Семён помолчал. Потом поставил скобу на лавку, развернул к Андрею и предложил показать, где у неё должен быть загиб. Андрей взял железку здоровой рукой. Он объяснял неловко, сбиваясь на слова, которыми привык пользоваться в мастерской, и несколько раз просил старика повернуть предмет иначе. Семён слушал без одобрительных возгласов. В конце концов забрал скобу.

— Подумать можно. Только ты не вздумай с нами на мост идти. Там и здоровому одна доска под ноги уходит.

— Не собирался.

— Собирался, — заметил Семён. — У тебя на лице написано.

Когда Семён ушёл, Андрей посмотрел на правую руку, всё ещё прижатую к боку. Ему захотелось взяться за молоток.

Старик выслушал его не как красного, знающего всё наперёд, а как человека, который когда-то работал с железом.

После обеда Еремей собрал нескольких хозяев у сарая. Андрей различал из окна только голоса. К вечеру решили: одну крепкую жердь снимут с Савельевой ограды, два коротких упора вытешут из сухого дерева под амбаром, а Павел отдаст первый свободный брус после починки крыши. Семён и Фёдор возьмутся за мост, Тихон проверит берег со стороны покоса. Савелий нехотя согласился, но сразу спросил, кто потом заделает прореху в его плетне. Павел пообещал помочь, когда управится у себя. «К зиме бы только», — бросил Савелий и ушёл, не дожидаясь ответа.

На следующий день стук топоров слышался с речки с самого утра. Андрей сидел у окна, пока не устали глаза. Он хотел увидеть, как работают, но мост скрывали ольхи. Дарья, проходя мимо, остановилась и посмотрела, куда направлен его взгляд.

— Не терпится на стройку?

— Там моя скоба.

— Твоя? — удивилась она.

— Я подсказал Семёну, как загнуть. Не знаю, пригодилась ли.

— Спросим вечером.

Вечером Семён пришёл без скобы, с грязными рукавицами и полоской свежей стружки в бороде. Он поставил возле лежанки маленький деревянный клинышек.

— Вот так мы его и поджали. Под упором. Не навечно, до зимней воды. Железо твоё тоже пригодилось.

— Не моё железо, — поправил Андрей.

— Теперь всё равно наше. Мосту без разницы.

Он протянул руку. Андрей растерялся, потом пожал её левой. Старик заметил, как тот поморщился от неловкого движения.

— За работу спасибо. Хотя больше всех всё равно Федька надорвался. Ты ему это скажи, коли увидишь.

— Скажу.

Уходя, Семён столкнулся в сенях с незнакомым Андрею мужчиной в вытертом кафтане. Тот нёс обруч от старой кадки и узел с короткими гвоздями. Не разглядывая раненого, придержал дверь мастеру. «Влас, нижнюю петлю завтра доделаешь?» — спросил Семён. «Доделаю», — ответил мужчина. Они говорили так, будто продолжали давно начатый разговор.

Андрей спросил у Дарьи, кто это. «У Семёна живёт. Работать умеет, а разговоров не любит», — ответила она. И перевела разговор на мост. Здесь у человека не допытывались прошлого, если он не сам начинал рассказывать; Андрей пока не понял, отчего эта привычка настораживает его сильнее, чем самого Семёна.

Семён ушёл, а Андрей вертел клинышек между пальцами. Впервые ему принесли сюда вещь не для лечения. На другое утро он увидел из окна Савелия: тот затыкал свежую прореху

в ограде ветками, чтобы скотина не лезла в огород. Мост теперь держался, зато соседу пришлось бросить собственную работу. Андрей положил клинышек рядом с чашкой, уже не радуясь ему так безоговорочно.

Через два дня Павел сам пришёл к Андрею. Постоял в сенях, спросил Марфу, не занят ли раненый, и вошёл с небольшой железной петлёй в ладони. Петля была старой, с лопнувшим краем; такие ставили на двери амбаров и тяжёлые лари.

— Ты ведь по железу работал, говорят?

— Работал.

— Эту заварить можно?

Андрей взял петлю левой рукой, повернул к свету. Трещина шла от самого отверстия, где железо истёрлось о штырь.

— Заварить можно, только кузня нужна. Да и то ненадолго. Лучше новую выковать, потолще в этом месте.

— Вот и Семён говорит: новую. А где мне железо взять? В старой петле ещё держалось, пока сарай не просел.

Андрей помолчал. В мастерской под Спасском у них всегда находились обрезки: железный прут, листовые полосы, выброшенный болт. Здесь каждый гвоздь вытаскивали осторожно, чтобы после можно было выпрямить и снова забить.

— Если у Семёна обруч от бочки есть, можно из него полосу пустить. Но только если обруч крепкий. Сам смотри, не всякий выдержит.

Павел сунул петлю в карман. Уходить почему-то не торо-

пился. Потом сел на скамью, положив ладони на колени.

— Ты вчера наш разговор слышал. Из-за брёвен.

— Слышал. Не хотел подслушивать.

— Да мы не шёпотом говорили. — Павел хмыкнул. — Савелий считает, что я за своё держусь больше, чем за общее. А у него самого крыша новая, вот он и рассуждает.

Андрей хотел заметить, что мост нужен всем, но Павел уже продолжал:

— У меня прошлой весной лошадь увели. Ни за что, просто пришли и сказали: для нужд отряда. У кого-то на рукаве красная тряпица, у другого без знака. Сами голодные, по лицам видно. Старшая девка моя за ворота вышла, заревела, так один ей по плечу хлопнул: «Скоро всё кончится». Ты не знаешь, сколько раз мы это слышали?

Андрей не поднял глаз. «Скоро всё кончится» — те же слова он писал матери весной. Разница была в том, что для него это оставалось обещанием, а у Павла со двора уходила лошадь.

— Наш отряд так не делает без нужды, — сказал он.

— А с нуждой?

— С нуждой бывает всякое. Но должны по совести.

— По совести, — повторил Павел. — Только лошадь мне после совести не вернули. — Он встал. — Ты не думай, что я за тебя плохое говорю. Видел, как тебя несли. Я тогда за жерди тоже держался. Ты же не знал, что мою лошадь забрали.

— Не знал.

— Вот и я о тебе ничего не знаю. Разве что железо, видно, понимаешь.

Он направился к двери. Андрей окликнул его:

— Павел, а вы бы что сделали, если бы я у дороги лежал, а не у вас в лесу?

Павел обернулся с выражением человека, которому надоела не столько чужая речь, сколько собственная нерешительность.

— Не знаю. Может, мимо бы прошёл. А может, поднял. На словах легко говорить, когда человек уже в тепле.

Павел ушёл, и Андрей вспомнил коров, которых уводили у его матери. Павел тоже не пожелал оставить человека умирать, хотя до сих пор злился на людей с красными повязками. Андрей теперь понимал, отчего тот берёт свои брёвна.

Вечером он попросил у Мити дощечку и начертил по памяти маленький чертёж петли: две полосы, между ними штырь, по краям отверстия. Пальцы плохо слушались, углы вышли кривыми. Он попросил мальчика передать рисунок Павлу, если тот ещё не успел отправиться к Семёну. Митя немедленно захотел узнать, что за железная штука, и Андрей минут десять объяснял ему, почему тяжёлая дверь рвёт тонкую петлю. Мальчик слушал серьёзно, потом спросил, нельзя ли вместо железа поставить верёвку. Андрей рассмеялся и впервые за долгое время не почувствовал, что время уходит зря.

Наутро Павел прошёл мимо окна с той самой петлёй и ко-

ротко кивнул. Андрей не узнал, пригодился ли чертёж. Ничего не изменилось между ними настолько, чтобы можно было назвать это дружбой. Но теперь, когда Павел появлялся во дворе, Андрей видел перед собой не одного лишь угрюмого хозяина, который не хотел отдавать брёвна на мост.

Слух о том, что красный помог советом при ремонте моста, разошёлся быстро. И не всем понравился.

Тихон появился вечером, когда Андрей пытался самостоятельно натянуть сапог на левую ногу. Подошву к нему уже пришили — Варвара сдержала слово, хотя и не призналась, чьё шило прокалывало кожу. При виде гостя Андрей оставил сапог и выпрямился.

— Я слышал, ты Семёну указания давал, — сказал Тихон.

— Указаний не давал. Он спросил — я ответил.

— У нас люди сорок лет мосты ставят. Разберутся без приезжих.

Тихон взглянул на клинышек возле чашки, но не тронул.

Тихон поглядел на клинышек возле чашки, но не тронул.

— Вот и хорошо. А то сперва мост, потом каждый двор тебе показать придётся. Ты обо всём расспрашиваешь.

Андрей почувствовал, как к лицу приливает кровь.

— Я вас не выслеживаю.

— А я тебя не обвиняю. Только хочу, чтоб ты сам понимал: то, что тебе интересно, нам дорого обойтись может.

Он сказал это без угрозы. Андрей вспомнил, как Тихон взялся за носилки на каменном спуске, хотя был против чу-

жака с самого начала. Возразить привычным резким словом не удалось.

— Если б я хотел вас выдать, — начал он и осёкся. Эта фраза всякий раз звучала как оправдание, которого от него не требовали.

— Не знаю я, чего ты хочешь, — произнёс Тихон. — Верю, что обратно к своим. А что станет с нами после этого, никто не скажет.

Он уже уходил, когда Андрей спросил:

— А вы сами в войне никогда не участвовали?

Тихон задержался в дверях.

— Когда у тебя дядьку уведут, а брата из дому гнать начнут, тебе мало будет, что ли, участия? Я не на войну шёл. Война сама пришла.

Андрей смотрел ему вслед. Фёдор первым поднял его в лесу; Тихон помог донести, хотя до сих пор опасался чужака. Кого из братьев он сам назвал бы правым, окажись на их месте?

Ночью он снова достал записку. Хотел было приписать на обороте, что не отступал по своей воле. Но одна фраза требовала другой: где был ранен, кто перевязал, отчего не вернулся? В каждой подробности мог появиться путь, ведущий к деревне. Андрей провёл ногтем по складке и спрятал бумагу обратно. Собственная правда вдруг оказалась вещью, которую нельзя было просто вынуть из кармана и положить на стол перед товарищами.

Утром Варвара увидела открытый листок. Андрей не успел убрать его под подушку.

— Опять письмо строчишь?

— Пытаюсь.

— Матери бы написал. Ей всякая весточка дорога.

— И матери некуда отсюда отправить.

Варвара взяла со скамьи чистую нитку, вдёрнула её в иглу. Села чинить подол своей юбки. Долго молчала, потом сказала:

— Моему мальчику тоже некуда было писать.

Андрей поднял глаза. От Дарьи он знал, что Варвара потеряла ребёнка, но как это случилось, никто не рассказывал. Старуха смотрела на иглу, словно не могла попасть ниткой в ушко.

— Когда из прежнего места уходили, маленький был. До холода не дотянул. Не от пули — от горячки. В дороге и похоронили. Там, где сейчас, поди, никто места не найдёт.

— Мне жаль, — сказал Андрей.

Она кивнула, не глядя.

— С тех пор, как ты в лесу лежал, я всё думала: какой дуре в голову взбрело тогда сказать, что уходить надо? А ведь мне. Я первой велела вас оставить. — Она вдруг оборвала нитку зубами и посмотрела на него прямо. — Только, Андрей, не считай, будто теперь я зря боюсь. Одно другому не мешает.

Он осторожно положил записку на одеяло.

— Не считаю.

Варвара снова взялась за шитьё. Разговор на этом закончился, но Андрей запомнил, как она произнесла «моему мальчику». Не для того, чтобы вызвать жалость, а словно назвала человека, чьё место за столом всё ещё помнила.

У Дарьи находилась работа даже тогда, когда в доме никто не болел. Она носила воду, перебирала сушёные грибы, помогала Марфе с тестом, развешивала травы, а вечерами собирала ребятишек в просторных сенях. Однажды Андрей увидел, как она велит Мите вымыть руки, прежде чем брать книгу. Мальчик возмутился: сегодня он не по речке бегал, а доски таскал. Дарья посмотрела на его ладони, и он сам побежал к колоде.

В тот день она позволила Андрею пройти до скамьи под навесом. На большее Устинья ещё не соглашалась. Он сел, перевёл дух. В сенях звенели детские голоса.

— У вас школа? — спросил он.

— Не совсем. Зимой больше читаем. Сейчас у кого время найдётся, тот приходит.

— Кто учит?

— Отец, я иногда. Варвара цифры лучше меня помнит, когда зерно считают. Семён учит ребят размечать доски, если кто придёт.

— Значит, кому что досталось, тому и учится?

Дарья перестала складывать полотенца.

— А у тебя все сразу в школе оказались?

— Нет, — признал он. — Но должны оказаться. Раньше за книжкой к хозяину на поклон шли. Теперь детей учить будут и бедных тоже.

— Вот это хорошо, — сказала она. — Только пока у нас книг мало. Зимой Митя до дыр одну азбуку листал. Принеси другую, коли когда-нибудь доберёшься до города.

Андрей неожиданно обрадовался просьбе. Ему впервые не сказали «не ходи туда» и «не спрашивай», а попросили о чём-то из мира, который он считал своим.

— Принесу, — пообещал он.

Дарья заметила, как быстро он ответил.

— Не надо обещать сгоряча. Ты сперва сам дойди.

— Я дойду.

— Верю. Только книжку по дороге не потеряй, как винтовку.

Он засмеялся и тут же одёрнул себя: о потерянной винтовке не следовало говорить так легко. Дарья позвала детей. Под навес пришли Митя и двое мальчиков из Савельева двора, а Настя — та самая, что недавно показывала Андрею язык, — появилась позже, запыхавшаяся. Дома ей велели сперва принести воду. Дарья вынесла дощечку, мел и старую тетрадь. Настя гордилась тем, что умеет написать своё имя. Один из мальчиков никак не запоминал разницу между шестью и девятью.

Андрей сначала смотрел молча. Потом, когда Митя третий раз перепутал цифры, не выдержал:

— Ты поверни дощечку. Смотри: шесть снизу заворачивается, девять сверху.

— Я знаю! — возмутился Митя.

— Так напиши.

Митя нахмурился и вывел правильную цифру. Настя захихикала. Дарья бросила на Андрея предостерегающий взгляд: не отвлекай детей от урока. Он хотел было возразить, но заметил, что Настя уже собирает платок, хотя так и не открыла азбуку.

— Ты куда? — спросил Андрей.

— Матушка за водой ждёт, — сказала Настя. — Я потом у Даши спрошу, что вы читали.

— Она так через раз и приходит, — объяснила Дарья, когда Настя отошла к порогу. — У каждого работа. А азбука одна на всех.

Андрей вспомнил, как в мастерской у них учили новых мальчишек: одному не давался чертёж, другой запоминал с первого раза. Не было толку повторять всем одно и то же, когда часть ребят пропускала занятия.

— Семён ведь доски строгают, — сказал он. — Остались у него обрезки? Пусть каждому по небольшой дощечке даст. Ты начертишь буквы, а кто не успел на урок, дома повторит. Мел стёр — и снова пиши.

— И кто им дома подскажет, какая буква? — спросила Дарья.

— Митя, коли сам выучит. А можно по две-три буквы за

раз. Не книга, конечно. Но хоть не одна азбука на всех.

Дарья взглянула на Настю: девочка всё ещё стояла у порога, прислушиваясь к разговору, и не спешила уходить.

— А мне тоже дощечку дадут?

— Тебе первой, — сказала Дарья. — Только не вздумай из-за неё воду забыть.

Андрей взял мел левой рукой и крупно, неровно вывел букву на краю старой доски. Настя прочла её сразу. Ему хотелось рассказать, что в городе такие уроки должны быть у каждого ребёнка, но девочка уже спрашивала, как написать следующую букву. Он показал.

Когда дети разошлись, Настя задержалась и показала Андрею испачканную мелом ладонь.

— Я уже не путаю, — заявила она.

— Молодец.

— А ты завтра придёшь?

Он посмотрел на Дарью. Та не вмешивалась.

— Если ноги донесут, — ответил он.

Девочка убежала, оставив на скамье белый отпечаток пальцев. На другое утро Семён отдал Дарье четыре гладкие дощечки из обрезков, и Настя первой попросила показать, как на них писать. Андрей увидел это с порога: новая работа, оказывается, нашлась и для его здоровой руки.

На третий вечер после того урока Андрей увидел, как Еремей возвращается из молебного дома. За ним шли двое стариков и Павел с женой. На ступенях горела лампа. Андрей

сидел на скамье у стены, кутаясь в безрукавку, и не заметил, как старик подошёл.

— Не зябнешь?

— Нет. Воздуха хотелось.

Старик сел рядом, оставив между ними место для палки. За оградой кто-то вытряхивал половик, далеко у речки одиноко кричала птица.

— Слышал, ты детишкам цифры показывал, — сказал Еремей.

— Показал. Дарья сама их учит.

— Знаю. Она у нас за книги с малых лет берётся. Чуть разберёт слово — Митю заставит слушать.

Андрей посмотрел на старика. За прежние беседы Еремей не раз спрашивал его о войне и отряде, но ни разу не пытался выяснить, чему он учился до войны. Как будто, помимо красной звезды, у человека ничего не было.

— Я в мастерской при железной дороге начинал, — сказал Андрей. — Слесарю помогал. Потом стал сам работать. До войны хотел выучиться как следует, сдать на мастера. Да не вышло.

— А мать?

— Под Спасском осталась. Одна.

— Отца нет?

— Умер давно. Я тогда ещё мальчишкой был. Мать землю держала, коров. За недоимку одну увели, потом другую. Я всё видел. — Андрей помолчал. — Поэтому и пошёл с крас-

ными. Не ради того, чтобы чужие избы разорять.

Еремей слушал, опустив руки на колени.

— Верю, что не ради этого.

— Вы всё время говорите «верю», а потом всё равно спрашиваете, кого я приведу.

— Верить одному человеку и впустить целый отряд — не одно дело.

Андрей стиснул зубы. Еремей повторил почти то же, что прежде. И всё же Андрей уже видел, почему старик не мог отвечать лишь за себя.

— А если красные придут и скажут вам землю делить по-новому? — спросил Андрей. — Что тогда?

— Смотря что за люди придут. И как делить велят.

— Вы опять от ответа уходите.

— Нет. Просто ты ответ уже принёс с собой и хочешь, чтоб я его повторил.

Андрей отвернулся. Когда-то Прохор тоже смеялся над его привычкой заканчивать чужую мысль раньше, чем человек успевал договорить. «Послушай сперва, парень. Не все тебе газетные строчки читают», — говорил он. Андрей тогда горячился, доказывал, что иначе нельзя добиться правды. Теперь Прохор оставался где-то за горами, а его слова всплывали в самом неподходящем месте.

— Могу вас спросить? — произнёс Андрей спустя некоторое время.

— Спрашивай.

— На уроке Настю раньше других домой позвали: воду носить. А Савельевы мальчишки остались. Чему она успеет научиться, если её всякий раз будут уводить?

Еремей посмотрел на него с удивлением, словно ожидал совсем другого вопроса.

— У каждой семьи заботы свои. И не мне вместо отца решать, кому за водой идти.

— Но ведь она читать хочет. Вы сами говорили, что книги бережёте. А ей даже до конца урока не дают досидеть.

— Этого я не заметил, — признал Еремей. — С Настиным отцом поговорю. Хоть пару вечеров в неделю пусть девчонку отпускают. Только воды за неё ты не принесёшь.

— Пока не принесу, — сказал Андрей, чуть улыбнувшись. Еремей не стал спорить. Андрей почувствовал неожиданную радость: сегодня они говорили не о стране, которую ещё предстояло изменить, а об одной девочке, которой уже завтра можно было помочь.

— Дарья книжку просила принести из города, — сказал он.

— Знаю. Она и у меня просит, только мне до города дальше, чем тебе в её представлении. — Еремей поднялся. — Доберёшься — привези, коли будет возможность. Не доберёшься — она тебя за то не осудит.

Андрей остался на скамье. Ему всё ещё хотелось спорить о земле и власти, но мысль о Насте, которая завтра сможет прочитать лишнюю страницу, почему-то радовала сильнее

выигранного спора.

В начале следующей недели ударил первый сильный ночной холод. По утрам на корытах и деревянных краях колодца белел тонкий налёт. К полудню он таял, оставляя на земле сырость, а к вечеру снова тянуло с гор. Андрею дали свой старый кафтан — не тот, которым его укрывали в лесу, а короткий, чёрный, с заплатой на локте. Кто был его прежним хозяином, никто не говорил. Кафтан пах дымом и сушёной мятой.

Теперь Устинья разрешала ему обходить двор дважды за день. Один раз Андрей даже донёс до крыльца пустое ведро, придерживая его левой рукой. Марфа, увидев это, велела поставить ведро и пригрозила, что больше ничего ему не доверит. Но лицо у неё было довольное.

— Ты меня, матушка, скоро за работу возьмёшь? — спросил он.

— Скоро? Через месяц, коли не сглупишь. А сейчас твоя работа — не падать.

Слово «матушка» вырвалось само собой. Андрей заметил его, лишь когда Марфа ушла. Он уже узнавал её шаги за стеной, как когда-то узнавал материнские.

Однажды после обеда к Еремею пришли двое из Савельева семейства. Они жаловались на Павла: канава от его сарая подмывала чужую грядку. Савелий ещё не забыл, как отдал жердь на мост, и сердился вдвойне. Павел отвечал, что иначе

весной сгниёт амбар. Еремей выслушал обоих и велел взять лопаты: прежде чем решать, надо увидеть, куда течёт вода. Мужчины пошли за ним, всё ещё споря.

Андрей стоял возле колодца и смотрел им вслед. Прежде он непременно объяснил бы им, как лучше вести общее хозяйство. Сейчас впервые представил себе, что и в общем хозяйстве кому-то придётся рыть канаву, а другому — уступать место для неё.

К вечеру он уже устал настолько, что решил не выходить. Но в сених внезапно поднялся шум. Собака возле крайнего двора лаяла, не переставая; ей отвечала вторая, потом третья. Митя влетел к матери и, едва отдышавшись, выпалил:

— Там у леса кто-то ходит!

Марфа поставила на стол миску, даже не успев убрать с неё руку.

— Кто видел?

— Настя. Она у плетня стояла, а в кустах как треснет!

Фёдор, чинивший у крыльца сани, поднял голову. Почти сразу из соседнего двора вышел Тихон с ружьём, а за ним Павел. Еремей велел детям оставаться возле домов. Двое мужчин направились к дальним огородам, Фёдор пошёл следом без ружья, с топором в руке.

Андрей сам не заметил, как схватился за край лежанки. Внутри поднялось забытое холодное чувство: перед перестрелкой на просеке тоже сначала хрустнула ветка. Он хотел выйти и спросить, что слышали, но Устинья, пришедшая ме-

нять повязку, встала в дверях.

— Сиди. Там без тебя разберутся.

— Может быть, разъезд.

— Может, лось. Ты по каждому лосю на войну бежать будешь?

Она старалась говорить обыденно, но ложку на полку поставила не с первого раза. Андрей понял, что тревога эта знакома ей не меньше, чем ему. Только для него в кустах могли оказаться преследователи, а для неё — люди, которые приведут беду ко всем девяти дворам.

Мужчины вернулись затемно. У покоса нашли следы молодого кабана и разорванный мешок с кормом, оставленный возле кустов. Опасность оказалась не той, которой боялись, но дозор не сняли. Еремей велел утром ещё раз обойти край огородов. Дети спорили, кто первым услышал треск, а Марфа сердито отправила всех спать.

Андрей долго не засыпал. Он знал по собственному опыту, как легко человек привыкает ждать нападения, как сначала смеётся над ложной тревогой, а потом снова проверяет затвор. Но здесь никто не просил этой войны. Люди вышли к огородам защищать не штаб и не оружейный склад — сушильню, корову, запасы капусты, детей, которые за минуту до тревоги играли в щепки.

Утром Тихон увидел Андрея возле сарая. Они обменялись короткими кивками. Потом старший брат Фёдора неожиданно спросил:

— Испугался вчера?

— Да, — ответил Андрей.

Тихон кивнул, будто слышал то, что ожидал.

— Вот и мы не каменные.

Он пошёл к колодцу. Андрей смотрел ему вслед. Тихон впервые прямо признался ему в страхе — не за себя одного, а за всю деревню.

К исходу третьей недели Андрей начал ходить до мостков. Фёдор вызвался проводить его: Устинья не хотела отпускать раненого одного за огороды, а у младшего брата Тихона как раз была работа возле сушильни. Дорога занимала считанные минуты, но Андрей дважды останавливался. Во второй раз Фёдор терпеливо подождал, пока он переведёт дыхание.

— Не говори только, что я слабый, — предупредил Андрей.

— А я и не скажу. Сам видишь.

— Ты со всеми так разговариваешь?

— С теми, кто себе больше обещает, чем может выполнить.

Андрей хотел рассердиться, но перед глазами уже стояли голые плечи сопки, и раздражение уступило любопытству. Вблизи мост казался куда надёжнее, чем накануне: под крайней балкой стоял новый косой упор, скоба держала дерево возле стыка, а на настиле светлели следы свежего топора. Андрей сразу узнал изгиб железа, который показывал Семёну.

— Видишь? — спросил Фёдор.

— Вижу. Но с весны надо переделывать. Вода подмывает.

— Семён так и сказал. До большой воды постоит.

Они остановились у перил. Андрей смотрел, как вода обходит камни и тянет за собой ржавые листья. Отсюда долина казалась открытее: над противоположным берегом поднимались склоны, между ними вилось русло, а дальше всё опять закрывал лес. Никакой ясной дороги. Но река всё равно куда-то уходила, и по ней, быть может, можно было спуститься к нижним селениям. Андрей невольно принялся оценивать берег: справа круто, слева кусты, ниже течение исчезает за поворотом. Фёдор стоял рядом и не мешал.

— Ты же знаешь, что я смотрю, — сказал Андрей.

— Знаю.

— И не запретишь?

— Глазам не запретишь. Только из того, что здесь видно, до города не дойдёшь.

— А вы сами как выходите?

Фёдор не ответил сразу. Снял рукавицу, осмотрел занозу в пальце.

— Когда надо, выходим.

— Значит, тайная тропа есть.

— У всякого селения тропа найдётся. Ты сейчас даже до этих мостков едва дошёл. Не мучай себя заранее.

Андрей отвернулся. Разговор мог бы снова закончиться ссорой, но на мост вышел Семён с небольшой связкой гвоз-

дей. Увидев их, он обрадовался не столько Андрею, сколько возможности показать свой ремонт.

— Смотри, какую опору мы поставили. Твоя железка сверху, да моя деревянная подпорка снизу. Если дождями не сорвёт, до весны хватит.

— Хорошо сделали, — сказал Андрей.

— Это я и без тебя знаю. — Семён засмеялся. — Только приятно, коли знающий человек подтвердит.

Они ещё немного поговорили о железе, которое ржавеет быстрее возле воды, и о сухой древесине. Солнечный свет уже уходил с досок, когда Фёдор напомнил, что пора назад. Андрей не спорил. Ему хотелось остаться и смотреть на речку, но он понимал: усталость придёт раньше, чем ответы.

На обратном пути у огорода их остановила Настя. Девочка держала в руках дощечку и бежала так стремительно, что едва не наткнулась на Андрееву палку.

— Ты сегодня читать придёшь?

— Сегодня, пожалуй, не смогу, — ответил он. — Ноги устали.

Настя огорчилась, но тут же отвлеклась на фуражку, которую Андрей теперь иногда надевал, выходя на улицу. Звезду отмыли от грязи; красная краска проступала под тусклым вечерним светом. Девочка подошла ближе и тихо спросила:

— А ты правда красный?

— Правда.

— А красные наши люди или не наши?

Фёдор, стоявший рядом, перестал поправлять ремень на плече. Андрей посмотрел на ребёнка. Настя ждала ответа так же просто, как ждала объяснения цифры. Наверное, взрослые не раз говорили при ней о людях из-за гор; одни были «наши», другие — «не наши», и такой порядок представлялся ей естественным.

— Я не здешний, — сказал Андрей. — Это верно.

— А мой отец говорит, чужим сюда ходить нельзя.

— И правильно говорит, — неожиданно ответил Андрей.

— Только я не сам пришёл. Меня ваши нашли.

Настя обдумала сказанное. Ей, кажется, не понравилось, что вопрос, на который должен быть короткий ответ, вдруг стал таким длинным.

— Значит, тебя пока можно?

— Пока меня лечат, — сказал он.

Девочка кивнула и убежала. Фёдор выждал немного, пока она скрылась за оградой.

— Ты ловко выкрутился.

— А что ей сказать? Что любой человек со звездой на фуражке ей брат? Она тогда первого встречного к дому позовёт.

— А про то, что мы тебе не братья, тоже говорить не стал.

Андрей посмотрел на него настороженно, но в голосе Фёдора не было насмешки. Он произнёс это так, будто заметил одну из примет погоды, которую другой человек ещё не умеет различать.

— Я и сам не знаю, — сказал Андрей.

Фёдор кивнул. Они пошли дальше, не возвращаясь к разговору. У калитки младший брат Тихона принял у Андрея палку, пока тот переступал высокий порог, потом отдал обратно. Это была самая обычная помощь, и от неё не требовалось ни благодарственных речей, ни обещаний.

В ту неделю в Тихом Логу заканчивали работы перед морозами. Женщины перебирали картофель, мужчины подбивали двери амбаров, складывали под навес дрова. На сенокосах уже не слышалось кос; вместо них стучали топоры. Теперь Андрей знал, почему из-за пары досок здесь ссорятся всерьёз: одну и ту же доску нельзя прибить сразу к двум крышам.

Марфа вынесла во двор две корзины репы и попросила Дарью отобрать крепкие корнеплоды на семенники, а мелкие сложить в погреб. К ним подошёл Павел с женой: весной у них часть гряд не взошла, и они хотели выменять немного репы на рожь. Павел долго торговался; жена дважды поправила его, сколько осталось зерна. Марфа уступила лишь тогда, когда они пообещали помочь перевезти дрова к бане. Павел поднял корзину, жена ещё раз пересчитала корнеплоды, и оба ушли.

— У вас здесь всё на обмене? — спросил Андрей, когда они остались одни.

— На чём же ещё? Денежка есть, да в лесу за неё не всё купишь, — сказала Марфа. — Кто что вырастил, у того и

спросишь. Лишнего-то мало.

Андрей вспомнил разговоры о земле, которая должна принадлежать работающим. Здесь люди действительно распоряжались урожаем. Но свобода стоила им ухода за дальний хребет, и он всё ещё не мог решить, можно ли назвать её настоящей.

Вечером Дарья принесла ему тетрадь. После разговора Еремея с Настиным отцом девочка дважды досидела урок до конца и теперь переписывала на своей дощечке новые слова. Она решила научиться писать письмо отцу — хотя тот каждый день возвращался домой к ужину. Настя обиделась, когда Дарья велела пока ограничиться одной строкой. Андрей посмеялся, потом попросил чистый лист.

— Опять своим писать? — спросила Дарья.

— Матери. Давно не писал.

Дарья оставила бумагу и короткий карандаш на столе. Андрей смотрел на лист, не решаясь начать. Можно написать матери, что жив и поправляется. Но когда придёт письмо и почему он не может назвать место, где находится? Он испытывал стыд, хотя ещё никому не солгал.

Он начал с обращения к матери. Левой рукой писать было трудно; строки поднимались вверх, буквы не держались на месте. Андрей сделал несколько попыток, стёр пальцем неудачную букву, размазал по бумаге карандашную пыль. Почерк получился детский. Он долго смотрел на него и вспомнил, как мать учила его выводить первые буквы на об-

рывке обёрточной бумаги. Тогда рука тоже плохо слушалась, и мать терпеливо подставляла свою ладонь под его кисть.

Письмо он не закончил. Рядом лежал первый листок — «Лунёв жив». Только два слова, за которыми не было ни дороги к матери, ни ответа товарищам.

Поздно вечером к малой избе подошёл Фёдор. Он постучал, хотя дверь была не заперта, и занёс новую перекладину для лежанки. Дерево было гладко выстругано, на одном краю оставлена маленькая засечка для крепления. Андрей приподнялся, чтобы посмотреть, как Фёдор ставит её на место.

— Семён говорил, ты ему помог, — сказал тот, затягивая ремень.

— Он сам всё сделал.

— Это я знаю. Но совет твой не выбросил.

— Не люблю сидеть без работы.

— Вижу. Только в лес за дровами пока не просись. А то опять на волокушу класть придётся.

Они оба улыбнулись, почти одновременно. Потом Фёдор занялся перекладиной. Андрей держал здоровой рукой один её конец, пока тот закреплял другой. Работа была малая, но заняла их обоих: Фёдор несколько раз примерял дерево, Андрей подсказывал, где задевает за гвоздь. Когда перекладина перестала шататься, Фёдор опёрся на неё всем весом, проверил крепость и остался доволен.

— Вот теперь хоть сидеть можешь без боязни.

— Спасибо.

Фёдор собрал инструмент. У порога задержался, как задерживался всегда, когда собирался сказать что-то ещё, но не решался. Андрей подумал, что сейчас снова услышит предупреждение о дороге. Вместо этого Фёдор спросил:

— Прохор-то тебе кем был?

Вопрос застал Андрея врасплох. Он уже привык, что о товарищах его расспрашивают только в связи с опасностью для деревни.

— Старшим у нас был. Не по должности. — Андрей помолчал. — Когда первый раз под огонь попал, он меня за ворот в канаву стащил. Сказал: «Пока стреляют, героизмовать не торопись». А потом всегда подшучивал, что я сперва кричу, а потом думаю.

Фёдор кивнул.

— Может, выбрался он.

— Может, — сказал Андрей. Он хотел верить, но помнил, как Прохор упал на просеке.

Фёдор не стал утешать. Просто прибрал стружку и вынес её за порог, чтобы утром не попала под ноги больному. Андрей остался с письмом и незнакомым чувством, что среди жителей Тихого Лога есть человек, которому он может говорить о товарище, не выдавая ни одного отрядного секрета.

Дарья заглянула, когда Фёдор уже убирал инструмент в сумку. Она принесла высушенную рубаху Андрея и задержалась у порога, наблюдая, как Фёдор проверяет крепление

перекладины.

— Не слишком низко поставил? — спросила она.

— Ты вчера сама говорила, где ему удобнее сидеть. Так и сделал.

— Я говорила не так. Ты на ладонь ниже взял.

Фёдор посмотрел на перекладину, потом на Андрея.

— Низко?

— Мне в самый раз, — ответил тот. — Вы из-за неё не ссорьтесь.

— Мы не ссоримся, — удивилась Дарья.

— Ещё начнём, если Фёдор опять не станет слушать, — спокойно сказала она, уже обращаясь к нему. — Матушка просила завтра с погребом помочь. Не забудь.

— Помню. До обеда приду.

Она ушла. Фёдор некоторое время перебирал оставшиеся гвозди, откладывая прямые в одну кучку, погнутые в другую. Андрей следил за его руками и думал, что с Дарьей они, должно быть, знали друг друга с детства: спорили свободно, не выбирая слов, и ни один не боялся обидеть другого случайной мелочью. Ему самому так разговаривать было не с кем с тех пор, как исчез Прохор.

— Вы давно здесь живёте? — спросил он.

— Давно. Я ещё мальчишкой сюда пришёл. А Дарья тут росла.

— Ты никогда не хотел уйти?

— Бывает, хочется. Потом работа найдётся, и думаешь

уже, как до зимы с ней справиться. — Фёдор наклонился за сумкой. — Ты спрашивай, если что интересно. Только не про дорогу.

Впервые предупреждение прозвучало почти по-дружески. Андрей не стал продолжать расспросы.

Перед сном он развернул первый листок: «Лунёв жив». Приписал было «пленный», зачеркнул. Не пленник: эти люди не запирали дверей. Но уйти он пока тоже не мог, и всё ещё не знал, как объяснить это своим.

Он сложил оба письма и убрал под подушку. Потушил лампу, но ещё долго лежал с открытыми глазами.

За стеной Митя просил мать разрешить завтра пойти к речке, Марфа отказывала: ночью обещали мороз. Где-то дальше стучал Семёнов рубанок, кто-то позвал Павла запереть хлев. Андрей думал о завтрашнем дне: снова будет учиться ходить, снова попробует писать левой рукой. И если когда-нибудь вооружённые люди остановятся у этих дверей, спрашивая о красном партизанине, он испугается уже не только за себя.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. СВОЙ ХЛЕБ

Утром Андрей проснулся оттого, что в малой избе пахло не лекарственными травами, а свежим деревом. Фёдор оставил у печи связку коротких берёзовых чурок. От них тянуло лесной сыростью; на полу, возле дверей, лежала белая стружка, которую кто-то не успел подмести.

За ночь подморозило. В узком оконце белели края стёкол, а посередине, где теплом от печи оттаяло небольшое пятно, виднелся серый двор. Митя тащил за собой пустые санки, хотя снега ещё не было. Полозья с сухим скрипом прыгали по мерзлой земле.

Андрей сел, потянулся за рубахой и не сразу попал правой рукой в рукав. Плечо заживало медленно. Сквозная рана затянулась, но вокруг неё ещё оставалось твёрдое болезненное место; если забыться и резко повернуться, боль пробивала до лопатки. Раньше такая неудача испортила бы ему утро. Теперь он молча положил рубаху на колени и начал снова.

На лавке лежали два листка. На одном стояли прежние слова: «Лунёв жив». На другом, начатом для матери, косо тянулось обращение. Он подвинул их в сторону, освобождая место для сапога. Варвара раздобыла новую подошву для его левого сапога; кожа ещё поскрипывала при ходьбе, но обе ноги теперь были обуты.

— Не замёрз? — спросила Марфа, входя с ведром.

— Нет. А где Фёдор?

— С утра у Семёна. Железо какое-то налаживают. Тебе зачем?

— Я тоже по железу умею.

— Я знаю, ты умеешь. Вся деревня уже знает. — Она поставила ведро и поглядела на повязку. — Только одно у нас не знают: когда ты перестанешь доказывать это больным плечом.

Андрей хотел огрызнуться, но Марфа произнесла слова без насмешки. Он застегнул ворот здоровой рукой и попросил позволения выйти.

Устинья, которую позвали решить дело, долго осматривала рану. Она не щадила его, когда проверяла, может ли он поднять локоть; зато и не пугала попусту.

— По двору ходить можешь. Молотком махать — нет. Если к вечеру жар вернётся, опять уложу. И не надейся меня переспорить.

— Я и не собирался.

— Тогда почему уже рот открыл?

Он закрыл рот. Устинья усмехнулась и отпустила его.

За дверью воздух оказался таким холодным, что Андрей на мгновение задержал дыхание. На траве лежал иней. Над крышами не было дыма от костров и не слышалось военных команд, однако спокойным утро не казалось. У каждой избы спешили: кто носил корм, кто подбивал воротца, кто проверял, не намокли ли сложенные у амбаров дрова. Зима уже

приближалась, и жители знали о ней по делам, а не по календарю.

Семён работал под навесом. Фёдор стоял рядом, удерживая тяжёлую дверную петлю в тисках, устроенных из двух брусьев. Солнце едва коснулось крыши. На столе лежали кочерга, молоток, несколько ржавых гвоздей и широкая полоска железа, снятая со старого бочарного обруча.

— Опять пришёл учить? — спросил Семён, заметив Андрея.

— Посмотреть.

— Это другое дело. Смотри глазами, руками не хватайся.

Фёдор сдвинулся, уступая ему место. Андрей увидел, что железо пытаются выгнуть под новый штырь. Если зажать слишком близко к краю, металл пойдёт трещиной; если оставить большой зазор, дверь амбара снова повиснет криво.

— На нагретом легче, — сказал он.

— Греть негде, — ответил Семён. — Очаг для такой мелочи разводить жалко.

Андрей попросил показать обруч. Держал его левой рукой, поворачивая к свету, пока не увидел старый шов.

— Здесь его однажды уже сгибали. Если отступить на два пальца, сработает. Только подложить железку пошире, чтоб не рубило край.

Семён взял обруч обратно. Ничего не сказал. Потом повернулся к Фёдору:

— Слышал? Держи, где он показал.

Через четверть часа петля села на штырь. Фёдор поднял дверь, опустил; скрипнуло дерево, но железо выдержало.

— Будет ходить, — сказал Семён.

— Пока ты опять амбар не перекошишь, — добавил Фёдор.

— Пока ты не начнёшь открывать его плечом, — отозвался старик.

Андрей невольно засмеялся. Фёдор, оглянувшись, протянул ему обломок гвоздя.

— Держи. За совет плата.

— Богатая у вас плата.

— Зато честная. Из двух гвоздей один себе оставил.

Они рассмеялись втроём. Андрей сунул обломок в карман. Ему давно не доводилось стоять среди работающих людей и думать только о том, как выгнуть железо, чтобы оно не лопнуло. На минуту исчезли и письмо, и долина, из которой он не знал выхода.

К полудню у Фёдора нашлась для него другая работа. Требовалось разобрать деревянные ящики из-под соли, привезённые в Тихий Лог ещё прежде осенних дождей. Целые доски хотели пустить на сушильню, короткие — на растопку, гвозди вытащить и выпрямить.

— Поднимать ничего тяжёлого не будешь, — предупредил Фёдор. — Сядешь и будешь гвозди считать.

— Ты меня за ребёнка держишь?

— Ребёнку я бы ящики доверил. А ты непременно захочешь доказать, что один поднимешь сарай.

Андрей взял клещи. Сначала левая рука неловко скользила по рукояткам. Потом он устроил ящик боком между коленями и нашёл упор. Доска поддавалась сухим треском, гвозди выходили туго. Плечо не мешало, пока он помнил о нём. От работы согрелись пальцы.

Фёдор тем временем подгонял под навесом раму. Когда что-нибудь не сходилось, он не ругался, а останавливался, мерил заново, проводил ладонью по древесине. Андрей наблюдал, пока тот не заметил.

— Что?

— Ты угол не там берёшь.

— Где же?

— Вот здесь стойку поведёт. К весне крыша начнёт тянуть.

— А у вас в мастерской сушильни строили?

— Нет. Но железные рамы тоже крутит, если угол не выдержат.

Фёдор подал ему обрезок доски.

— Тогда начерти. Только считай, что лес здесь не казённый: дважды отпилить не получится.

Они провозились до обеда. Фёдор оказался точнее в дереве, Андрей быстрее соображал, как скрепить неровные детали. Оба не хотели признавать преимущества другого. Когда рама наконец встала, Андрей сказал:

— По-моему, ты без моего рисунка всё равно сделал бы так же.

— Сделал бы. Только дольше.

— Значит, всё-таки польза есть.

— Есть. Кто-нибудь же должен меня разговорами отвлекать.

Андрей швырнул в него сухую стружку. Фёдор уклонился и рассмеялся — громко, неожиданно молодо. Из-за угла появилась Дарья с корзиной белья. Увидев обоих, остановилась.

— Вот куда пропал мой помощник, — сказала она Фёдору. — Матушка уже дважды спросила, кто погребную дверь починит.

— После обеда обещал. Ещё не обед.

— У тебя обед наступает, когда самому есть захочется.

— Так и живу.

Дарья посмотрела на Андрея. Он сидел над разобранным ящиком, по коленям рассыпались ржавые гвозди, на пальцах чернела пыль.

— Устинья это видела?

— Видела, как я вышел.

— А что ты остался работать, ей рассказал?

— Не успел.

— Так успеешь, — сказала она. — Я ей сейчас скажу.

— Даша, — попросил Андрей, уже понимая, что она не шутит.

— А что? Ты ведь сам всё про честность рассказываешь.

Фёдор прыснул со смеху. Андрей поднял голову:

— Теперь ты-то чего рад?

— Хорошо, когда не одного меня ругают.

Дарья ушла, и между мужчинами повисло короткое неловкое молчание. Андрей только теперь заметил, как свободно Фёдор отвечал ей, не подбирая слов. Он почувствовал что-то неприятное, ещё не имеющее названия. Потом вспомнил, что именно эти двое вместе спасали его из леса, и взялся за следующий гвоздь.

Устинья действительно пришла. Потрогала его лоб, проверила повязку и велела бросить работу до завтра.

— Хорошо, — сказал Андрей неожиданно для самого себя.

Она прищурилась.

— Вот теперь у тебя, парень, точно жар. Слишком легко согласился.

Вечером Марфа поставила на стол большой чугунок с капустой и несколько ломтей ржаного хлеба. Ели на кухне большой избы: Еремей, Марфа, Дарья, Митя и Фёдор, задержавшийся после ремонта погреба. Андрея позвали тоже. Он сперва хотел отказаться. В малой избе было проще: за ним приносили тарелку, он благодарил и оставался один. За общим столом всякая ложка казалась заметной.

— Садись, — сказала Марфа, увидев его у порога. — Не

на суд пришёл.

Митя подвинулся, уступая место. Марфа поставила перед Андреем деревянную чашку и ложку, которыми он пользовался ещё в малой избе. Для чужих здесь держали особую посуду. За одним столом эта разница чувствовалась острее, чем у больничной лежанки. Еремей, заметив его замешательство, молча подвинул хлеб ближе. Перед едой все встали на короткую молитву. Андрей остался стоять вместе с ними, опустив глаза, но не крестился. Никто не стал его понуждать. Когда молитву закончили, Еремей первым пригласил его садиться.

За столом говорили о дровах, о треснувшем обруче и о том, что Морошка в который раз открыла рогом хлипкую калитку. Митя клялся, будто корова научилась отвязывать узлы. Фёдор проверил его рассказ одним вопросом: отчего тогда она до сих пор не развязала весь хлев? Митя обиделся и принялся объяснять, что узлы бывают разные.

— Андрей ей хорошие покажет, — сказала Дарья.

— Андрей ещё ноги бережёт, — возразила Марфа. — Пусть сначала сам поправится.

Андрей отломил хлеб. Он был темнее того, что пекла его мать, с небольшой примесью муки грубого помола. На мякише оставались следы тёплой ладони. Он съел кусок почти не чувствуя вкуса, потому что слушал, как спорят о завтрашней работе.

— У Савелия опять верхний плетень осел, — сказал Фёдор. — Ещё до снега придётся поправить.

— Наш мост ему всю ограду съел, — заметил Еремей.

— И теперь он считает, будто вся деревня должна ему по жерди, — отозвалась Марфа.

— А что, не должна? — спросил Андрей прежде, чем успел подумать.

За столом стало тихо. Еремей положил ложку.

— Смотря кто что обещал, — сказал он.

— Мост общий. А ограда была его. Если снова понадобятся жерди, он ведь опять первым должен будет отдавать?

— Савелий и сам умеет за своё постоять, — заметил Фёдор.

— Умеет. Только мост от этого не станет его одного. — Андрей почувствовал, что горячится, и добавил: — Я не указываю. Просто видел, как он смотрел на тот пустой пролёт.

Еремей некоторое время молчал.

— Завтра поговорю с ним. Можно по дворам найти материал, пока мороз не взял землю. Говорить о справедливости легко, когда дерево у другого во дворе растёт.

Андрей опустил взгляд в тарелку. Ему было приятно, что его слышали, и неловко от того, что он сказал это при людях, чьи дела ещё недавно считал чужими.

После ужина Дарья вышла с ним на крыльцо, где сушились деревянные лопатки для хлеба. В открытой двери за их спинами Митя требовал добавки, Марфа отправляла его за водой. Из-под крыши капала талая влага.

— Ты сегодня за Савелия вступился, — сказала Дарья.

— Я не за Савелия. За то, чтоб честно.

— Это иногда одно и то же.

Он посмотрел на неё. В темноте не было видно лица, только светлый край платка.

— А ты бы отдала своё дерево?

— Если б мост проваливался — отдала бы. А потом месяц сердилась бы. — Она усмехнулась. — Люди у нас не лучше других. Просто уйти от соседа некуда, приходится мириться.

Андрей хотел ответить, что в городе можно и не мириться, но сам вспомнил тесную мастерскую: один стол, две наковальни, чужое плечо под локтем. И там некуда было отойти от человека, с которым вчера поссорился.

— Тебе здесь никогда тесно не бывает? — спросил он.

— Бывает. Особенно когда все знают, какую рубаху я утром надела и зачем к колодцу пошла. — Дарья помолчала. — А тебе в городе не бывает одиноко среди множества людей?

Он не сразу нашёлся. Дарья не стала ждать ответа. Пожелала доброй ночи и вернулась в дом. Андрей ещё постоял на крыльце. Ему казалось, что разговор кончился слишком рано.

Через несколько дней Андрей впервые попросился с Фёдором за деревенскую ограду не для прогулки. Утром Фёдор собирался проверить заячьи силки на ближнем склоне и осмотреть старую вершу у ручья: после дождей у неё разо-

шёлся плетёный бок, и рыба стала уходить в дыру. До лесного зверя от огородов было ближе, чем до дальнего покоса; тропа шла по внутренней стороне долины и к чужим дорогам не выводила.

— Возьми меня, — сказал Андрей, застав его у сарая.

— Зачем?

— Посмотрю. Дома сидеть уже сил нет.

— У тебя плечо вместо силы.

— С этим плечом я через три сопки шёл.

— Тогда, видно, совсем ума не было. Теперь, может, прибавилось.

Андрей не отступил. Он уже ходил до мостков и обратно без остановки. Устинья позволяла носить лёгкие доски, но к топору по-прежнему не подпускала. Сам Андрей чувствовал, что крепнет: утром мог надеть сапоги и завязать пояс, не дожидаясь помощи, а к вечеру ещё хватало сил посидеть с Митей над цифрами.

Фёдор наконец сказал:

— Поговорим с Устиньей. Она разрешит — пойдёшь. Только ты в лесу у меня слушаться будешь.

— Ты командир, что ли?

— На этом склоне — я.

— И что, звания выдаёшь?

— Никаких. За глупости просто домой отправляю.

Устинья разрешила идти неохотно, заставив Андрея показать, что он может поднять руку почти до плеча без рез-

кой боли. Потребовала, чтобы не носил ничего тяжелее фляги и возвращался до темноты. Фёдор выслушал её с таким серьёзным видом, словно она вручала ему важную бумагу.

— А винтовку мне дадите? — спросил Андрей уже на дворе.

Фёдор посмотрел на него искоса.

— Свою потерял, ещё и мою хочешь потерять?

— Я не потерял. Оставил у ручья.

— Вернёшься — найдёшь. Коли ручьёв на свете немного.

С охотничьим ружьём шёл только Фёдор. У Андрея был небольшой нож, палка да мешок с сухарями. Когда они вышли за огороды, Тихон стоял возле складенных жердей. Он оглядел Андрея, потом брата.

— Далеко собрались?

— К ближним силкам. До Осинового переката не дойдём.

— Лучше бы дома раму подгоняли.

— Успеем.

Тихон подошёл ближе и понизил голос:

— Ты ему хоть не показывай, куда верхняя тропа уходит.

Фёдор перестал улыбаться.

— Я знаю, куда веду.

Андрей слышал достаточно, чтобы понять, о чём речь. Ещё недавно он возмущился бы вслух, что его считают шпионом. Теперь прошёл мимо, стараясь не выказать обиды. Сам он и впрямь всматривался в каждое ответвление тропы. Из любопытства ли, из привычки ли искать дорогу домой — не

мог бы сказать даже себе.

Лес встретил их шорохом мёрзлой листвы. Солнце стояло низко, освещая только верхушки кедров. Внизу пахло мокрой корой, прошлогодней травой и холодной водой. Фёдор шёл не спеша. Он замечал то, чего Андрей не видел: сбитый мох на узкой звериной тропке, свежую землю под корнем, клочок белой шерсти на кусте.

— Заяц вчера прошёл, — сказал он, присев возле низкой ветки.

— Откуда знаешь, что вчера?

— Лист ещё влажный, а сверху ночная крупа не легла. Утром бы всё белело.

Андрей наклонился. Он различал след, но не заметил бы его времени. В партизанском отряде учили искать человеческую тропу, проверять, не уводит ли она к чужому посту. Лесные приметы были другими; ему досадно стало, что здесь он снова новичок.

— Значит, по следу любого выведешь? — спросил он.

— Не любого. И не всегда. Зверь порой человека хитрее.

— Люди тоже бывают хитрые.

— С этими ты лучше знаком.

Фёдор показал ему старую затяжку на сучке. Петлю порвал зверь, а леска осталась натянутой. Вместо добычи они нашли только клочок шерсти. Фёдор распутал узел и убрал верёвку в мешок.

— Не жаль пустого хода? — спросил Андрей.

— Почему пустого? Теперь знаю, что верёвка плохая. Завтра другую поставлю.

— Ты всё так считаешь? Если ничего не добыл, всё равно пользу ищешь?

— А ты как считаешь?

— Мы бы отряд вернули ни с чем — командир не похвалил бы.

— Я тоже себя не хвалю. Только у нас зайцы приказов не читают.

Второй силок оказался цел. На примятом, побелевшем от инея мху лежал заяц. Фёдор осторожно снял его, осмотрел шкурку, достал из мешка чистый кусок полотна. Андрей отвлёл взгляд. Он не боялся мёртвого зверя: видел в лесу достаточно смертей. Но здесь смерть оказалась связана не с приказом, а с завтрашним обедом, с детьми, которым зимой понадобится горячая еда.

— Мяса будет на две семьи, — сказал Фёдор. — Или на три, если Марфа за похлёбку возьмётся.

— Раздавать станете?

— Часть Устинье. Она сама зимой в лес не пойдёт. Остальное как Еремей скажет. Не каждому по целому зайцу достётся.

— А тот, кто силки ставил, должен больше получить?

— Бывает, получает. Сегодня я и так сыт.

— У вас всё как будто само собой решено.

— Не решено. Каждый раз решаем. — Фёдор завязал ме-

шок. — Ты только не думай, что я тебе сейчас пример справедливой жизни показываю. Я просто зайца поймал.

Андрей усмехнулся. С ним редко разговаривали так, чтобы его собственные большие слова оставались без боя, но и без особого почтения. Прохор умел это делать. От воспоминания о нём в груди сжалось; он поправил ремень мешка и промолчал.

Фёдор заметил перемену, однако расспрашивать не стал. Они пошли дальше к ручью, где в ивняке была устроена плетёная верша. Слышно было, как вода пробирается через камни под хрустящей коркой льда.

— Туда не ступай, — сказал Фёдор, показывая на тёмный берег. — После дождей подмыло.

Андрей остановился. Впереди под ольхой серая вода крутила старые листья. Плетёное горло верши виднелось у мелководья. Фёдор потянул её за длинную жердь, посмотрел на разошедшиеся прутья.

— Весной поправим как следует. Теперь только стянуть.

Он работал, присев на корточки, а Андрей держал с берега конец жерди. Когда прут выскочил, Фёдор сердито потёр ладонь, и на коже проступила кровь.

— У вас всякий раз так? — спросил Андрей. — Пока совсем не развалится, чинить не начинаете?

— А ты что, из мастерской новую вершу привезёшь?

— Можно было крепче связать ещё летом.

— Можно. Только летом рыба шла, а сено надо было уби-

рать. Одновременно не разорвёшься.

Андрей перестал спорить. Во всём, что здесь делали, обнаруживалась другая мера времени: не смена на заводе, не срок по приказу, а погода, которую не перенесёшь на завтра.

На обратном пути Фёдор предложил идти вдоль сухого гребешка. Это была не самая короткая дорога, зато там под ногами не расползалась глина. Андрей спросил, как он выбирает направление там, где деревьев одинаково много.

— По ветру, если дует. По воде, если слышно. Но сперва запоминаю, где стоял, когда солнце было за спиной. И куда не надо идти — тоже помню.

— А если ночь?

— Тогда лучше сесть и не ломиться через распадки. Подождать, пока что-нибудь узнаешь.

— Я в лесу не сел. Всё шёл.

— Знаю. Видел, куда ты дошёл.

В голосе Фёдора не было упрёка. Андрей всё равно смутился. Они некоторое время шли молча. Потом Фёдор сказал:

— Выздоровеешь — покажу, как наши ловушки ставят. А пока учись смотреть, куда ставишь ногу.

— Ты меня точно за мальчишку держишь.

— Нет. Мальчишка хотя бы смеётся, когда над ним шутят.

Андрей толкнул его здоровым плечом. Фёдор сделал вид, что едва удержался на ногах, и оба засмеялись. На узком склоне их смех прозвучал неожиданно громко, будто в лесу

кто-то ещё шёл рядом.

На следующий день Андрей проснулся с ноющей рукой, но без жара. Устинья сказала, что полагается за это благодарить не лекаря, а собственную голову: наконец-то начал ею пользоваться. Андрей пообещал и дальше не таскать тяжёлого, чем вызвал у неё недоверчивое покачивание головы.

В малую избу заглянул Митя. Увидел зайца, которого Марфа уже успела разделать, и объявил, что завтра сам пойдёт в лес с Фёдором. Марфа не разрешила: мальчику предстояло чинить калитку и помогать у бани. Тогда Митя явился к Андрею с вопросом, можно ли поймать зайца без силка.

— Можно догнать, — ответил Андрей.

— Не догнать, он быстрее. Я пробовал.

— Тогда умнее его будь.

— А как?

Андрей задумался. Когда-то Прохор учил его смотреть не на то, куда человек бежит, а на то, откуда он пришёл. Он принялся объяснять, как читают след по поломанной траве, а потом остановился: в охотничьем деле знал меньше Мити.

— Лучше у Фёдора спроси, — признался он.

— Я спрашивал. Он говорит: сначала калитку почини.

Митя насупился. Андрей достал деревянную дощечку и предложил начертить устройство запора. Мальчик оживился. Они долго выбирали, где поставить упор, чтобы Морошка больше не могла выбить дверцу рогом. Митя рисовал

огромные рога и маленькую калитку, Андрей поправлял размеры, стараясь не смеяться.

К вечеру мальчик сообщил, что запор готов и корова его уже проверила: толкнула два раза, но открыть не смогла. Затем добавил, что на третий раз Морошка ушла за сеном, будто потеряла к делу всякий интерес.

Марфа благодарила Андрея сдержанно, но на другой день принесла к малой избе тарелку с горячими картофельными лепёшками.

— За калитку, — сказала она.

— Я ж ничего не делал. Митя сам.

— Так ему и отдала половину. А эту бери.

Андрей хотел вернуть тарелку. Он уже устал быть человеком, которому всё дают: чистую рубаху, еду, тёплое место. Теперь, когда он начал работать, особенно неловко было принимать лишнее.

— Мы не торгуемся, — сказала Марфа, заметив его колебание. — Ты нашему мальчику время уделил. А он к зиме наконец калитку исправил. Ешь, пока тёплые.

Он взял лепёшку. Внутри оказалась соль и толчёная сушёная зелень. Простая еда пахла так, будто в доме уже наступил праздник.

В тот же день Еремей позвал его под навес. На столе лежала разломанная деталь ручной мельнички: деревянный рычаг разболтался, железный штырь съел отверстие, и жернова стали ходить рывками. Семён хотел заменить весь рычаг, но

подходящего дерева не было. Андрей прикинул, как можно укрепить соединение тонкой железной полоской и клинышками, чтобы не распускать дорогое целое бревно.

— Надолго хватит? — спросил Еремей.

— На зиму должно. Весной всё равно переделать надо.

— У нас половина вещей до весны должна хватить, — сказал Семён. — Весной посмотреть бы, какой у нас длинный список.

Андрей работал сидя, как велела Устинья. Фёдор подавал детали, вырубая неглубокие пазы; Семён примерял упор. Однажды, когда все трое наклонились к рычагу, их лбы едва не столкнулись. Фёдор засмеялся первым.

— Придётся новый стол ставить. Троим мастерам тесно.

— Одному мастеру и двоим советчикам, — поправил Семён.

— А кто мастер? — спросил Андрей.

— Кто меньше говорит, — отрезал старик, и на этом спор закончился.

Под вечер к работе подошёл Влас, тот самый молчаливый Семёнов помощник. Принёс старый железный палец для оси и долго выбирал, где спилить лишнее. Когда во дворе хлопнула калитка, он непроизвольно поднял голову раньше всех. Андрей успел заметить это движение.

— Из кузнецов? — спросил Андрей, принимая железо.

— Разное приходилось, — ответил Влас.

— А раньше где жил?

Влас посмотрел на Семёна. Тот проверял мельничный рычаг и не поднял головы.

— На нижней реке, — сказал Влас. — Здесь работы хватает, незачем прежнюю считать.

Андрей собирался продолжить, но Фёдор позвал его придержать деталь. К вечеру разговор забылся. Осталось только впечатление, что молчаливый человек умеет замечать опасность прежде, чем она получает имя.

К вечеру мельничка снова заурчала. Мука шла неровно, зато рычаг перестал заедать. Марфа, прислушавшись к знакомому звуку, принесла им по кружке тёплой воды с сушёной ягодой. Фёдор сел на порог, вытянул ноги и сказал:

— Вот теперь ты, Андрей, можешь считать, что муку свою заработал.

— До этого, значит, зря ел?

— До этого тебя люди в лесу нашли. А теперь сам людей нашёл.

Андрей не сразу понял, что Фёдор сказал без насмешки. Он посмотрел на семёновскую стружку, на рычаг и на свои ладони, испачканные железной пылью. Возразить было нечем, и впервые это его не огорчило.

Но у всякой работы находилась обратная сторона. Пока Андрей помогал под навесом, кто-то должен был носить воду и поднимать тяжёлые мешки, на что его плечо ещё не годилось. Павел однажды сказал при всех, что чужого ранено-

го возят как гостя, а своим даже в недолгий осенний день некогда выпрямить спину. Он не говорил зло. Просто устал.

Андрей услышал это у колодца. Павел поднимал полное ведро, и верёвка врезалась в его ладонь. Рядом стояла жена, придерживая второе ведро за дужку.

— Он мост нам подсказал, — возразил Савелий. — И мельничку помог поставить.

— Не спорю. Только муку в амбар само железо не унесёт.

Андрей подошёл и взялся за дужку, чтобы помочь. Павел отодвинул ведро.

— Не тебе. Устинья тебя потом опять с ног поднимай.

— Я уже хожу.

— Ходишь. А надорвёшь плечо — кто за тобой будет сидеть? Дарья? Марфа? Они и так работы не оберутся.

Андрей остановился. В словах Павла было больше заботы о чужом труде, чем неприязни к нему самому. От этого становилось ещё досаднее.

Позднее Фёдор нашёл его за сараем, где Андрей сердито выпрямлял в тисках гвозди.

— Ты чего со старым железом воюешь?

— Павел считает, что я у вас только ем.

— Павел вчера сам половину своих брёвен отдавать отказывался. Сегодня ему тяжелее всех на свете.

— Он прав в одном: вы работаете, а я вечно сижу.

Фёдор присел рядом.

— Слушай, когда мужики на сенокосе устают, они и на

солнце сердятся. Не обязательно ему всякий раз верить. А тяжёлую работу всё равно не трогай, пока плечо не разрешит.

— Плечо мне ничего не разрешает.

— Вот с ним и договорись. Я тебе на помощь могу работу полегче найти, но доказывать Павлу, что ты не нахлебник, вместо тебя не стану.

Андрей хмыкнул. Они ещё посидели, прислушиваясь к ровному скрипу мельнички, потом Фёдор подхватил корзину с гвоздями и поставил её у стены.

Фёдор подобрал у стены потерянный Дарьей обрывок тесьмы. Такие она пришивала к рукавам, чтобы ткань не цеплялась за ручку ведра. Он спрятал лоскут в карман, пообещав отдать вечером. Андрей наблюдал за этим и неожиданно захотел узнать, о чём Фёдор и Дарья разговаривают, когда он сам не стоит рядом. Спросить было не у кого.

— Утром пойдём на Осиновый перекат. Верша там всё время забивается, после ночного мороза надо проверить. Хочешь — со мной. Только без глупостей.

— В прошлый раз я себя хорошо вёл.

— Вот и посмотри, получится ли дважды.

Дома Андрей нашёл под подушкой сложенную записку. Он давно не разворачивал её. Теперь достал, посмотрел на неровные буквы и подумал, что в отряде никто не поверил бы рассказу о том, как он целый день чинил мельничку в чужой деревне. Ему самому это недавно показалось бы нелепостью.

Он попытался представить лица своих товарищей. Прохор наверняка поддел бы его за то, что стал домашним мастером. Потом попросил бы показать, как держится железо на деревянной оси. Остальные слушали бы — или нет. Андрей сложил листок обратно, не приписав ни слова.

Наутро вода у переката выглядела чёрной. По краям мелких луж стоял лёд, в ивняке висели прозрачные капли, схватившиеся ещё ночью. Там, где речка сжималась между камнями, тонкая ледяная корочка всё время ломалась и уносилась вниз. Стоило ей задеть камень, раздавался звук, похожий на звон мелкого стекла.

Фёдор шёл впереди с ружьём за спиной и длинной жердью на плече. Андрей нёс мешок с запасной верёвкой, топориком и сухими портянками, которые Устинья велела взять на случай, если промокнут ноги. Он был доволен уже тем, что ему доверили ношу: мешок был не тяжелее охапки дров, но всё-таки чужой человек больше не шёл рядом с пустыми руками.

— Зачем портянки? — спросил он, когда вышли на ровное место.

— Вода мокрая, — сказал Фёдор.

— Этого я и без тебя догадался.

— Тогда зачем спрашиваешь?

До переката было не более получаса ходьбы от последних огородов. Они шли туда же, куда ходили рыбаки и дети с удочками, только дальше обычной отмели, под густые ивы.

Дорога не приближала Андрея к выходу из долины, и он уже перестал расспрашивать о том, куда тянется этот склон. Он смотрел по сторонам с настоящим интересом: у каждого поворота была своя работа, своё время года, свои люди.

В одном месте Фёдор показал старую метину на пне, сделанную не топором, а медвежьими когтями. В другом — низкую заросль, где прошлой зимой нашли раненую косулю. Андрей спросил, часто ли здесь встречаются крупных зверей.

— Кого встретишь, от того и пляшешь, — ответил Фёдор. — На охоту идёшь — зверя ищешь. С дровами идёшь — лучше б зверь тебя не видел.

— А с человеком как?

— С человеком труднее. Он может улыбаться и думать совсем другое.

Андрей оглянулся на него. Фёдор говорил как будто о погоде, но взгляд его оставался серьёзным.

— Опять обо мне?

— Не только. И о себе тоже.

Некоторое время они шли молча. Потом Андрей заговорил о мастерской: там был старый бригадир, который доверял работу только тем, кто успел при нём совершить ошибку и исправить её своими руками. Фёдор сказал, что мудрый был человек, если после ошибки оставалась мастерская. Андрей возразил, что не всякую ошибку можно предвидеть. Спор кончился на том, что оба рассмеялись над собственным упрямством.

У переката верша лежала косо. После ночной воды одна из жердей, удерживавших её на мелководье, выскочила из-под камня; течение тянуло плетёную ловушку к глубокой узкой протоке. Ещё немного — и всю работу унесло бы под коряги.

— Я с берега придержу, — предложил Андрей.

— Там берег мягкий. Стой за ольхой, не ближе. Жердь подай, когда попрошу.

Фёдор обошёл протоку сверху. Сухая с виду полоса земли вела к низкому уступу, за которым можно было достать до крепления длинной палкой. Он поставил ружьё у дерева, проверил ногой почву и опустился на одно колено. Андрей стоял на твёрдом месте и держал верёвку.

— Давай длинный конец, — крикнул Фёдор.

Андрей подал. Фёдор захватил петлёй вершу и потянул её к отмели, стараясь не войти в воду. Плетёный бок зацепился за камень, но медленно поддался. Они оба увидели, как шевельнулся наружный кол.

— Ещё немного, — сказал Фёдор. — Только не отпускай.

В этот момент уступ, на котором он стоял, осел. Не с громким треском — тихо, как отламывается размокший хлеб. Фёдор успел перенести вес на другую ногу, но она пришлась на тот же пласт глины. Земля вместе с корнями соскользнула в протоку. Фёдор упал боком, ударился плечом о камень и исчез по грудь в тёмной воде.

Андрей бросился к берегу и остановился только потому, что под его ногами тоже зашевелилась земля.

— Федя!

Фёдор вынырнул, хватая воздух. Течение прижало его к упавшему стволу, лежавшему поперёк узкой протоки. Одна нога ушла под корень, другая скользила по гладкому камню. Он ухватился за мокрую ветку, но она трещала под его тяжестью. Вода плескала ему в лицо. До мелкого берега было всего несколько шагов — и ни одного места, куда можно было бы поставить ногу.

— Не лезь! — крикнул Фёдор, увидев, как Андрей двинулся к нему. — Здесь срывает!

Андрей нащупал за спиной мешок. Верёвка внутри была новая, толстая, из тех, какими стягивали мешки с зерном. Он обвёл её дважды вокруг крепкой ольхи и затянул узел, а на свободном конце сделал широкую петлю, которая не должна была стягиваться. Левая рука работала быстро, правая лишь придерживала мокрую верёвку. От каждого движения в плече вспыхивала боль.

— Лови!

Первый бросок вышел коротким: петля ударилась о кору и упала в воду. Фёдор не мог отпустить ветку, чтобы дотянуться. Андрей вытянул мокрый конец и бросил снова, теперь выше по течению. Петля легла на ствол почти рядом с Фёдором.

— Лови! Под мышки продень! — крикнул Андрей. — Другой конец к дереву привязан!

Фёдор ухватил петлю одной рукой. Его голова на миг ушла

под воду, и Андрей перестал различать лицо за брызгами. Потом Фёдор вынырнул, протащил верёвку под мышками и прижал к груди. Течение натянуло её; теперь можно было ослабить хватку на ветке, не уходя под ствол. Фёдор захлебнулся и крикнул:

— Ногу держит!

Вода била Фёдору в бок. Рывком тянуть его было нельзя: сапог заклинило между корнем и камнем, а ногу могло сломать. Андрей оглядел берег, увидел длинную жердь, которую они принесли для верши, и вытащил её из травы. Лёг животом на сухой выступ, упёр толстый конец жерди в корень ольхи, другой протянул Фёдору. До него было не больше двух саженей, но больная рука сразу онемела до пальцев.

— Сапог снимай! — крикнул Андрей. — Верёвка держит, а ногу не рви!

Фёдор осторожно перенёс тяжесть на верёвку и жердь. Одна рука наконец освободилась: он нащупал под водой край голенища, дёрнул раз, другой. Пальцы не слушались. Сапог не поддавался, пока он не согнул колено и не повернул ступню боком. Фёдор вскрикнул; подошва осталась зажатой под корнем, зато босая нога вышла из голенища.

— Теперь ко мне! — крикнул Андрей.

Фёдор ухватился за жердь обеими руками. Петля под мышками не давала течению унести его вниз; упираясь в камни босой ногой, он медленно продвигался к отмели. Андрей удерживал жердь, придавив её своим весом к корню:

поднять человека одной больной рукой он бы не смог. Когда Фёдор добрался до мелководья, Андрей спустился по откосу и схватил его за ворот со здоровой стороны. Ледяная вода сразу наполнила сапоги Андрея.

Фёдор вывалился на гальку. Некоторое время оба лежали рядом, тяжело дыша. Фёдор попытался подняться и не смог: ноги дрожали и не держали. Вода бежала мимо, звонкая и равнодушная, унося обломки льда. Где-то ниже мелькнула подошва потерянного сапога и пропала в пене.

— Ты живой? — спросил Андрей.

Фёдор открыл глаза. Губы у него дрожали.

— Пока... Да.

Андрей перевернулся на бок и впервые заметил кровь на своей повязке. Правая рука плохо слушалась, но пальцы сгибались. Фёдор трясся, не мог разжать сведённые холодом кисти; зубы стучали так сильно, что слова не получались. Андрей вспомнил Устиньины наставления: прочь от воды, снять мокрое и скорее к теплу.

Он заставил себя встать, помог Фёдору подняться и отвёл за кусты, где ветер почти не доставал. Сдёрнули мокрый кафтан, поверх промокшей рубахи накинули Андрееву безрукавку; сухими портянками обмотали Фёдору ступню вместо сапога. Тот снова попытался встать, но колени подломились. Пришлось переждать и поднять его ещё раз, придерживая за здоровое плечо. Андрей тоже промок до колен и уже едва чувствовал пальцы ног.

— Потом разберёмся, кто мокрее. Домой надо.

Ружьё осталось у ольхи. Верша уплыла. Фёдор оглянулся на берег, но Андрей коротко сказал, что за железом и плетнём вернуться потом. До деревни шли мелкими шагами. На каждом скользком месте Андрей подставлял здоровое плечо, а Фёдор стискивал зубы, стараясь не повиснуть на нём всей тяжестью. Один раз остановились: Фёдор никак не мог отдышаться. Андрей ждал, пока тот снова сумеет идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.